

ЭВЕНДИНЫ.
ПОСЛАННИК
ПРЕДВЕЧНЫХ

The illustration depicts two figures in a dark, atmospheric setting. In the foreground, a man with long, dark, wavy hair and a somber expression is shown from the chest up. He wears a dark, heavy cloak with a large, dark button at the collar. Behind him, a second figure with long, flowing white hair is visible, also wearing a dark cloak. The lighting is dramatic, highlighting the textures of the cloaks and the hair against a dark, shadowy background. The overall mood is mysterious and somber.

МАРИНА КЛЕЙН

Марина Клейн

**Эвендины. Посланник
Предвечных**

«Автор»

2024

Клейн М.

Эвендины. Посланник Предвечных / М. Клейн — «Автор», 2024

Противостояние людей и эвендинов продолжается. Надеюсь овладеть магией воздушных струн, Эндара отправляется на остров Тоа-Дин, не представляя, как много ее ждет испытаний и открытий. В это же время в Фарадоне идет ожесточенная борьба между Орденом Темнокрылых и королевским советником Готтраном. Мир полнится сомнениями и слухами: действительно ли его посетил посланник Предвечных? Из глубины прошлого появляется все больше пугающих тайн, и даже сторонники Диоса уже не уверены, что он тот, за кого они его принимали. Кто же он такой на самом деле? И есть ли надежда, что кровопролитная война наконец закончится?

© Клейн М., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Марина Клейн

Эвендины. Посланник Предвечных

Глава 1

Засохшие листья, некогда ярко-голубые, а теперь грязно-серые, с едва заметными остатками былой синевы, навели тоску – так же, как и пресный запах, от которого веяло гнилью и смертью. С трудом можно было поверить, что всего два часа назад в горшке красовался пышный цветок, красивый, налитый жизнью, слабо мерцающий в полутьме комнаты.

Таким он был, пока Лардана, насмешливо улыбаясь, не бросила на него свой убийственный взгляд.

Эни вздохнула и легонько коснулась сухого лепестка. Ее усилия так ни к чему и не привели. Из цветка словно высосали жизнь, вернуть ее могли разве что Предвечные. Хотя...

Она прикрыла глаза. Сталкиваясь с подобным, Эни каждый раз вспоминала свое сновидение, которое тревожило ее время от времени. В нем у нее на коленях лежал Диос – весь в крови, холодный, плотно окруженный мраком смерти. Душа Эни разрывалась от отчаяния, но она тянулась за воздушными струнами и играла на них какую-то мелодию, ожидая в нелепой надежде, что Диос откроет глаза.

Эни не раз спрашивала и Диоса, и эвендинов. Ответ был однозначным – никакая магия не может оживить человека. Однако, добавил Агенд, ведающий рукописями, вернуть жизненную силу, в определенных пределах, вполне возможно. Вряд ли это сработает на человеке или эвендине, на такое способны разве что тайновидцы или герои легенд, но вот заставить увядшее растение снова расцвести – опытному магу это под силу.

К сожалению, разговор услышала Лардана. Прекрасно понимая сложность задачи, она с особенным упоением забросала Эни увядающими цветами и при этом категорически запретила использовать магию воздушных струн.

– Учись применять другие методы, – процедила она сквозь зубы. – Иначе до конца жизни останешься ничтожеством, которое только и умеет, что дергать за ниточки.

Раньше Эни и в голову бы не пришло препираться, но с тех пор, как она встретила Диоса, едва не умерла от рук королевских Гениев и отдала свою кровь Темнокрылым, многое изменилось.

– А я-то думала, – сказала она ледяным голосом, – что магия воздушных струн – это редкий дар. Что ж, в следующий раз не буду слушать Архелу, что она может знать, правда?

– Не задавайся, – огрызнулась Лардана. – Каким бы редким ни был дар, пока ты не умеешь как следует с ним обращаться, ты – ничтожество. Молчи и приводи в порядок цветы, – она небрежно кивнула на брошенный на стол увядший букет и удалилась, хлопнув дверью.

Эни пыталась. С недавно собранными цветами все оказалось не так сложно. В каждом растении сохранялось нечто, что ощущалось как слабый источник энергии. Достаточно было отправить туда крохотную искру своей силы, и цветок сразу становился свежим, словно его сорвали секунду назад. Но Лардана, глянув на результат и явно недовольная гордостью Эни за себя, сильно усложнила задачу, буквально убив взглядом один из цветков.

Эни не представляла, как вернуть ему былую синь. В нем не ощущалось ничего, кроме тлена. Можно было, конечно, попробовать тот же способ, что и ранее, однако чутье подсказывало: сделай она это, и растение просто сгорит.

В конце концов, так ничего и не придумав, Эни решительно встала на ноги. И именно в этот момент пришла Лардана.

– Куда собралась? – она смерила ее презрительным взглядом.

– Навещу Юста.

– Надеешься, он даст тебе подсказку? – Лардана фыркнула. – Юстал, конечно, чуть менее ничтожен, чем ты, но для такого у него не хватит ни ума, ни умения. Разве только создаст иллюзию, что цветок живой.

– Есть хоть кто-то, кого ты не считаешь ничтожеством? – не удержалась Эни. – Кроме Архелы и себя самой?

Лардана прищурилась, глядя на нее:

– Конечно. Обычно это те, кто хорошо владеет магией, как любой уважающий себя эвендин, и не пресмыкается перед людьми, – она повернулась. – Рекомендую не задерживаться. Если ты не приведешь в порядок этот цветок до вечера, я скажу Археле, что ты ни на что не способна.

Хлопнула дверь. Эни не помнила, чтобы Лардана покидала ее комнату иначе.

Она выждала с минуту и вышла в коридор. Пока Эни медленно шагала меж шероховатых, холодных стен из белого камня, ее мысли невольно обратились к тому дню, когда она только прибыла на Тоа-Дин – остров, на который сбежали эвендины, спасаясь от кровавой бойни, устроенной людьми.

Благодаря Диосу дорога заняла не так уж много времени. Обычно, чтобы добраться до Тоа-Дина, нужно было преодолеть несколько опасных участков с острыми скалами и водными монстрами. Эвендины знали, что делают, когда выбирали остров: большие корабли не могли пройти между скал, а маленьким угрожала опасность быть потопленными хищными китами. И это все не говоря об иллюзиях и прочих ловушках, которыми они окружили свое обиталище. Но Диосу все было нипочем – он стоял на носу лодки, молчаливый и сосредоточенный, и вел их к цели, избавляя от опасностей. Юст объяснил Эни, что на это способен и любой эвендин, а вот Гению будет сложно.

Когда они причалили к берегу, утомленные дорогой, рассматривать местные красоты времени не было. Их сразу заметили, вокруг них собралась толпа. Эни никогда не видела столько эвендинов, и хотя они во многом походили на Юста, ей было сильно не по себе. С первого взгляда становилось понятно – местные не рады визиту. Их не смягчило даже присутствие Юста, который провел на Тоа-Дине большую часть своей жизни.

– Приветствую, – одного Диоса ничуть не смутили напряженные и угрожающие взгляды эвендинов, готовых к нападению. – Сделайте милость, передайте магистру Археле, что Диос просит о встрече. И что он привел Эндару.

Некоторые эвендины удивленно переглянулись; многие взгляды устремились на Эни. Она не знала, куда деть глаза, устремила их мимо всех и наконец получила возможность рассмотреть остров. Значительную его часть занимали скалы, в серых породах виднелись проходы, кое-где проглядывались галереи и лестницы, сложенные из более светлых камней. Наверху громоздилось подобие замка – всего три башни, однако казалось, что это – всего лишь вершина огромного каменного строения, поднимающегося из глубины горы.

Берег выглядел непритязательно. Эни заметила лодки и рыболовные сети, небрежно сделанные навесы. Эвендины здесь были одеты в серые и белые туники, у некоторых в волосах виднелись водоросли и сухие ветви. Лица, ноги и руки, испачканные песком, грязными разводами и покрытые морской солью, явно никого не беспокоили.

От жителей какой-нибудь бедной деревни Фарадона их отличало только одно: любой из них мог пустить в ход магию. И хотя теперь Эни сама была кое на что способна, они были гораздо сильнее нее.

Но не сильнее Диоса.

Яркая серебристая вспышка мелькнула в толпе, и почти сразу – у одной из башен. Эни невольно вздрогнула, и Юст тихо сказал:

– Не бойся, просто оповестили Архелу о нашем приходе.

– Разве тебя не рады здесь видеть? Тут нет твоих знакомых?

Юст вместо ответа хмыкнул. Эта реакция была более чем хорошо знакома Эни: он издавал такой звук, когда считал, что она ведет себя чудовищно наивно.

На самом деле, Юст уже успел увидеть знакомые лица. Однако Эни было невдомек: здесь он теперь считается преступником. Нельзя покидать остров без разрешения магистра, и уж тем более для того, чтобы проливать кровь людей – как бы их ни ненавидели и ни жаждали мести, убийство все равно считалось страшным преступлением. А теперь все еще и выглядело так, будто это он намеренно привел чужаков. Поэтому вместо радостных взглядов Юст ловил на себе подозрительные – и неприязненные.

Спустя некоторое, весьма мучительное время у башни мелькнула еще одна вспышка. Все расступились, пропуская эвендина – в отличие от остальных, он был одет в чистую тунику, а на голове у него громоздился венок, сплетенный из сухих белых ветвей. Оружия он при себе не имел, но спокойствие и бесстрашие, с которыми он вышел на берег, ясно говорили: он более чем способен постоять за себя и за других.

Эвендин остановился в нескольких шагах от них, взглянул поочередно на каждого, задержав взгляд на Диосе, и сухо сказал:

– Магистр Архела с вами поговорит. Идите за мной.

Эни было опустила взгляд, но потом направила его прямо перед собой и пошла вперед.

Она обещала себе, что достойно справится с поставленной задачей. Было непросто: душу разрывали противоречивые чувства. С одной стороны, годами возвращаемый страх перед эвендинами, с другой – осознание, что она сама – такая же. Но ей, по крайней мере, удалось не дать слабины перед другими и справиться с головокружением – почему-то на Тоа-Дине воздух казался разреженным, насыщенным свежестью, которую сложно было перенести...

– Магия, – тихо сказал Диос, когда они отошли от толпы. – Это все из-за нее. Скоро привыкнешь.

Эвендин привел их к пещере, и вскоре они оказались в холодном каменном коридоре. Потолки были высокими, стены слабо мерцали в свете, который проводник зажег в своей ладони. Им никого не встретилось, но до Эни долетали отзвуки голосов. По пути Юст рассказывал ей, что на Тоа-Дине большинство эвендинов живет в пещерах, и в горах острова разросся настоящий город с запутанным лабиринтом. Эни представляла неровный пол и сумрачные каменные стены, какие она видела в Предгорье, но ожидания оправдались только в начале: всего через несколько десятков метров внешний вид подземелий значительно поменялся, теперь они были гладко отесанными, ровными, приятного серого оттенка. Пол, как будто покрытый стеклом, мягко светился, и их проводнику уже не нужно было освещать путь.

Наконец коридор расступился и вывел их в небольшой зал с возвышением, на которое вели белые ступени. На них сидел мрачного вида эвендин в плотно облегающей его тело темно-зеленой одежде с изумрудными узорами – в ней легко угадывалась военная форма, кроме того, на поясе у него были ножны с мечом. А на самом верху, в серебристом кресле, восседала магистр Архела. Эни сразу поняла, кто это – она чем-то напоминала тайновидицу Адаллу, было件нятно, что ей уже много лет. На длинных волосах платинового оттенка лежала тонкая серебряная диадема. Но лучше всего Архелу представило грозное и по праву высокомерное выражение, застывшее на ее лице.

Эни в сотый раз напомнила себе, что с Диосом ей нечего бояться, и все же внутренне сжалась под пристальным взглядом. Не было похоже, что магистр рада их визиту.

– Так-так-так, – Архела наконец отвела от нее свои глаза и воззрилась на Диоса. – Надо же, кто почтил нас своим присутствием. «Давно не виделись» – это мне следует сказать?

Эни с трудом сдержала удивление. Неужели Архела уже виделась с Диосом?

– Спасибо, что приняли нас, магистр Архела, – Диос почтительно наклонил голову. – Вы вольны говорить мне что угодно.

– Надо же, какая честь! – Архела язвительно усмехнулась. – Не иначе как пришел с очередной личной просьбой? Иначе с чего бы это?

Эни окончательно смешалась. Если Архела знала его раньше, значит, должна понимать, что к ней явился сам Двуликий. Но тогда почему она разговаривала с ним в таком тоне? И причем тут личные просьбы?

Но едва ли не сильнее поразило то, что Диосу явно было неудобно. Он, совершенно точно, нервничал – но не как человек, который боялся опасности, а как подросток перед взрослым. Впрочем, Эни скорее почувствовала это, чем увидела.

– На самом деле, – Диос кашлянул, – это в некотором роде так. Как видите, я привел к вам Эндару.

– Я не настолько стара, чтобы быть слепой. – На этот раз Архела даже не посмотрела в ее сторону.

– Ей пришлось расти среди людей, не осознавая своей сущности. Для этого Сорана связала ее заклинанием, которое было снято совсем недавно. Я привел ее сюда, чтобы вы обучили ее всему, что ей следует знать.

Архела отреагировала странно: Эни видела, как ее рука, лежащая на подлокотнике, болезненно дернулась, лицо неуловимо потемнело. Однако когда она заговорила, ее голос звучал так же ровно и властно:

– И это все? Ты не мог не знать, что ничего другого здесь ее и не ждет. Зачем же явился сам?

Диос помедлил с ответом.

– Эндара мне дорога. По сути... Если считать...

Юст, до сих пор хранящий молчание, вдруг сказал:

– Я заставил всех считать его лордом, и он в таком облике заключил брак с Эндарой.

Архела изумленно посмотрела сначала на него, затем – на порядком смущенного Диоса, и расхохоталась.

– Серьезно?! Вы это слышали, Генерал? Как вам это нравится?

Эвендин, застывший на лестнице недвижимым изваянием, буквально обжег Диоса взглядом, но не произнес ни слова.

– Ужасно забавно, – сказала Архела, отсмеявшись. – Так и быть, сделаю вид, что не слышала этого. В конце концов, кому есть дело до человеческих обычаев. – Она посерьезнела. – И все-таки полагаю, что ты пришел мне сказать не только это.

У Диоса от ее слов заметно полегчало на душе, и он кивнул.

– Я знаю, вы планируете вторжение. Я пришел попросить вас повременить.

Об этом Эни не знала, но догадывалась по обрывкам разговоров Темнокрылых. Тогда она не стала задавать вопросов – ей было не до того.

– Кто бы сомневался. – Архела закинула ногу на ногу, и края ее длинной туники красиво засеребрились. – Мое терпение на исходе, Диос – так теперь тебя называют? Мы сделали все, как ты сказал, и что теперь? Множество эвендинов стали жертвами людей. Знаешь, как стихотворцы называют море, окружающее остров? Море слез. Избито, но точно передает суть. Каждый второй кого-то лишился. Люди не постеснялись убить даже моего посланника. Предвечные видят, что я терпела до последнего – и ты должен. И еще ты должен знать, почему мы планируем нападение. Они загнали нас на остров, но и этого им мало.

– Я понимаю, магистр. Я не прошу не нападать на людей. Я прошу только повременить.

Архела нахмурилась.

– Сколько?

– Дайте мне полгода.

– Это большой срок, за который мы потеряем еще больше. И за который люди смогут нас опередить.

Юст вопросительно посмотрел на Диоса. Тот кивнул.

– Магистр Архела, – заговорил Юст. – Мы нашли Адаллу. Она сделала предсказание. По ее словам, ваше нападение, если оно пройдет, как спланировано, увенчается успехом. Однако потери будут несравненно больше, чем если... Чем если вы доверитесь Диосу.

– Потери среди людей или эвендинов? – хладнокровно уточнила Архела.

– С обеих сторон, магистр.

Архела постучала пальцами по подлокотнику; из стука сложилась затейливая мелодия.

– Это серьезная просьба, – сказала она. – Я не могу ответить сразу.

– Это вполне понятно. Но прежде чем вы примете решение, послушайте меня еще, – попросил Диос.

Архела кивнула, и он быстро и складно рассказал обо всем:

– Король Дориан не хочет затевать войны, но, к сожалению, после смерти сына он так и не смог прийти в себя. Сейчас всем в основном управляет его советник, Готтран – преимущественно за его спиной. Именно из-за него погиб ваш посланник Алар. Лорд Магнус, которого вы, без сомнения, помните, пытался повлиять на ситуацию, но безуспешно. Так как Готтран – старый боевой товарищ Дориана, разрушить его доверие крайне сложно. Это могли бы сделать другие герои Освобождения, но они в большинстве своем подчинены Готтрану. Готтран же одержим властью – и эвендинской кровью. Совсем недавно его жертвой едва не стала Эндара.

Эни не подняла взгляда и постаралась отогнать от себя страшные воспоминания, но они все равно ярко вспыхнули в голове одно за другим: удар, вязкая темнота, холод подземелья, невыносимые слабость и боль, когда из ее тела выпустили практически всю кровь.

– Но есть люди, – продолжил Диос, – которые согласились встать на мою сторону. Сейчас их немало. Орден Темнокрылых делает все возможное, чтобы не допустить войны. Эти люди рисковали своими жизнями ради эвендинов.

– С трудом верится.

– Это правда, – сказал Юст, но Архела не удостоила его даже взглядом. Тогда Эни повторила за ним:

– Это правда. Если бы не Темнокрылые, я бы не стояла сейчас здесь. Люди Готтрана, они... Почти забрали мою кровь.

Архела помрачнела еще сильнее, но не было понятно, почему – потому что ей принялись что-то доказывать или из-за самого известия.

– Да, все так, – продолжил Диос. – К счастью, все обошлось, но мы в сложной ситуации. Темнокрылые находятся в Предгорье, а это сейчас самое опасное место во всем Фарадоне. Готтран собирает свои войска. С другой стороны, из-за гор, приходят ильфиты, уже освободились несколько инцариев. Эвендины держат магический барьер, но он вряд ли продержится долго.

– Люди научились преодолевать наши барьеры? – насторожилась Архела. – И после этого ты просишь меня ждать еще полгода? Дождаться, пока они напьются крови оставшихся и доведут свои способности до совершенства?

– Способностям Гениев есть предел, сильнее эвендинов они не станут, – качнул головой Диос. – Да, однажды они сумели пройти через барьер, но этот способ довольно трудоемкий и не подходит для того, чтобы провести за собой армию... Однако, увы, нам доподлинно известно, что в дело вмешались ильфиты. Они им помогают.

Архела некоторое время обдумывала услышанное.

– И что вы намерены делать? – наконец спросила она. – Ты и твои Темнокрылые?

– Мы обучаем людей и готовимся к обороне. Лучшим способом было бы достучаться до Дориана, но непонятно, через кого это сделать. Как я имел возможность убедиться, он не слушает даже своих родственников. Он просто... Глубоко от всего отстранен.

– Тогда, быть может, ему стоит еще раз поговорить с Двудиким напрямую, – Архела посмотрела на Диоса с непонятной Эни усмешкой.

Тот не смутился:

– В конце концов так все и будет, но это требует некоторой подготовки. А пока я был бы счастлив попробовать пробиться через армию Готтрана и вручить Дориану письмо от вас. Опять же, мы имели возможность убедиться, что далеко не все письма доходят до короля. Впрочем, вы это знаете лучше, чем кто-либо другой.

Архела снова помрачнела. Эни вспомнила: трагедия с сыном Дориана, Элианом, произошла главным образом из-за того, что король не получил письмо, где эвендины уведомили его, что их принц, которого они отправили погостить у людей, отправился в путь, а потом исчез. В результате Дориан подумал, что эвендины обманули его и взяли Элиана в заложники; дворец магистра штурмовали, и в хаосе битвы мальчик погиб.

– Что должно быть в этом письме?

– Ваши искренние эмоции в связи с похищением эвендина в Предгорье. Упомянуть имя Эндары, правда, не следует – для ее безопасности лучше не привлекать лишнего внимания. Но следует подчеркнуть, что это было сделано королевскими Гениями. Ваши опасения по поводу ильфитов. Ваши намерения в связи со всем этим. Ваша готовность не претворять намерения в жизнь, при определенных условиях.

– При каких условиях? – спросила, прищурившись, Архела. – Не иначе как хочешь, чтобы я похвалила Орден Темнокрылых?

Эни совсем не понравился ее тон. Как будто речь шла о каких-то мелких преступлениях, надеющихся получить покровительство.

– Напротив, упоминать Орден совершенно излишне. Было бы неплохо указать, что есть люди, которые пытаются помочь эвендинам... Это и так очевидно, после нашего нападения на Ишдат. Магистр, единственная цель письма – показать Дориану, что его собственные приближенные его обманывают, что некоторые из них творят вещи куда более жестокие, чем те, что в свое время творили эвендины, и что дальше так продолжаться не может. Условия могут быть какими угодно, лишь бы они были осуществимыми и помогли остановить резню.

Эни видела, что Архела недовольна, и не понимала, почему. План казался хорошим, и магистру вроде бы ничего не грозило. С другой стороны, Эни отдавала себе отчет, что она еще очень многого не знает и мало что смыслит в войне и политике. И даже в текущих отношениях между людьми и эвендинами. В конце концов, еще сравнительно недавно ей и в голову не могло прийти, что Дориан поддерживает официальную переписку с магистром эвендинов.

– Я подумаю, – сказала Архела. – Вам придется подождать.

Диос и Юст поклонились. Эни замешкалась – она не ожидала, что они так скоро уйдут. Но никто не сделал ей замечания.

За ними пришел тот же эвендин, с ветвями в волосах. Он вывел их не наружу, как думала Эни, а в другую комнату, совсем небольшую, в ней были только прямоугольный стол и несколько стульев. Эни не успела ничего спросить – дверь снова отворилась. Эвендин, с головы до ног замотанный в белую накидку, так, что невозможно было даже определить, какого он пола, поставил на стол поднос с несколькими тарелками: на одной была копченая рыба, на другой жесткие ломти чего-то, похожего на хлеб, на третьей – дольки неизвестного Эни фрукта насыщенно-красного цвета. И еще было блюдечко, судя по всему, с медом, но видеть мед таким светлым, почти прозрачным, Эни еще не приходилось.

Пока она рассматривала все это, эвендин поставил на стол еще один поднос, с кувшином воды и тремя кубками. После этого он удалился и закрыл за собой дверь. Не раздалось щелчка замка или скрипа засова, но Эни все равно подумалось, что без специального разрешения они отсюда не выйдут.

– Не переживай, Эни, – сказал Диос, беззаботно хватая светло-коричневый ломоть. – Это не темница.

– По еде и не скажешь, – съязвил Юст. – Добро пожаловать на Тоа-Дин.

– На острове не слишком хорошо с пропитанием, – пояснил Диос. – Мало места, специфическая почва. Это тоже веская причина, почему Архела хочет раз и навсегда прояснить отношения с людьми. Голода пока нет, но и об изобилии говорить не приходится.

– Понятно... Ты не хочешь мед? – удивилась Эни, видя, что Юст взял хлеб, положил на него дольку фрукта и принялся есть. Обычно он макал в мед все подряд.

– Такой – нет, – Юст слегка скривился.

Эни не хотела есть, но ради интереса взяла хлеб и окунула его в блюдечко с медом. Когда она откусила кусочек, у нее даже перехватило дыхание – вкус был слишком пряный, с четко различимой горечью.

Диос протянул ей кубок с водой.

– Здешний мед не больно вкусный, но полезный. Надо привыкнуть.

– Посмотрел бы я, как ты к нему привыкнешь, – пробурчал Юст. – Может, начнешь прямо сейчас?

– Поговорим лучше о важном, – спешно перевел тему Диос. – Худшее, что может случиться – Архела откажется писать письмо и решит напасть в ближайшее время.

– И что тогда? – спросила Эни.

– Это будет ужасно. Но наша цель не изменится – сначала нужно остановить Готтрана и разобраться с ильфитами. А потом, если все удастся, с разъяренными эвендинами. Но я все же надеюсь, что до этого не дойдет. Архела разумна и не хочет проливать крови.

Эни понадеялась, что это так. Но пока магистр эвендинов казалась ей жесткой и черствой. Она наверняка могла пожертвовать своими подданными, если это сулило решение проблем.

– Но если все пойдет по худшему сценарию, – сказал Юст, – что делать нам?

– Держать открытыми глаза и уши. Если посчитаете необходимым – возвращайтесь, не дожидаясь, пока я приду за вами.

Юст кивнул. Эни позавидовала тому, как он умеет держать себя в руках – ему, конечно, было невозможно оставаться здесь, вдали от Темнокрылых, но он признавал, что это лучший вариант. Сама же Эни не представляла, как сможет находиться на этом острове, в окружении недоверчивых и враждебных глаз, да еще и сознавая при этом, что в Себлире Диос и другие Темнокрылые рискуют своими жизнями.

Вскоре их проводник отворил двери. Они вернулись к Археле.

– Я не могу дать обещание ждать еще полгода, – сказала она без предисловий, и сердце Эни болезненно сжалось. – Однако, – продолжила она после короткой паузы, – я не стану нападать в ближайшее время. Посмотрим, что будет. Я написала письмо, о котором ты просил, но вместе с ним придется взять моего посланника.

Диос кивнул.

– С большим удовольствием. Благодарю вас, магистр.

– Теперь уходи. Шету встретит тебя снаружи. Письмо у него.

– Магистр, разрешите мне еще одну просьбу. Пусть Эндара и Юстал меня проводят.

Архела безразлично дернула плечом.

– Ладно. Идите с ними, Генерал. Потом приведете их в мои покои.

Эвендин в военной форме встал со ступеней и, не сказав ни слова, первым направился к выходу. Приоткрыв двери, он оглянулся и посмотрел на всех ледяным взглядом, который пугал не меньше, чем гробовое молчание.

Диос и Юст поклонились – на этот раз Эни успела присоединиться к ним – и вслед за Генералом покинули зал.

Странное дело, пока Эни впервые плыла по морю, когда увидела остров Тоа-Дин, предмет многочисленных страхов – ведь все знали, что именно на нем окопалось большинство эвендинов, – все это время она четко ощущала реальность происходящего. Однако теперь, сознавая, что Диос вот-вот уйдет, ей казалось, что это сон. Пока еще хороший, но готовый обернуться душераздирающим кошмаром.

Диос замедлил шаг, улучил момент, когда коридор изогнулся, и придержал Эни за руку. Генерал в последний момент оглянулся, но, видимо, прочел что-то по лицу Диоса; во всяком случае, он не стал возражать, хотя его взгляд не предвещал ничего хорошего.

Они с Юстом свернули. Эни и Диос остались одни.

– Эни, – сказал Диос. – Я знаю, это не просто. Очень. Ты...

– Нет, – одернула его Эни. – То есть, да. Но я ведь сама это выбрала. Значит, наверное, справлюсь.

– Конечно, справишься. Но есть еще кое-что...

Диос хотел что-то сказать, но словно бы передумал. Он вдруг притянул Эни к себе и приник губами к ее губам. Из души Эни в одно мгновение пропали все сомнения и страхи, тревожные мысли утикли. Но они не исчезли совсем и вернулись с лихвой, когда Диос отстранился и, еще не выпустив ее из объятий, едва слышно сказал:

– В скором времени ты услышишь много странных вещей. Не забывай, во что верить – выбираешь только ты сама.

Гулкий стук заставил Диоса отпустить Эни. Это Генерал, устав их ждать, ударил рукоятью своего меча по стене. По его лицу можно было с уверенностью сказать, что будь его воля, он бы пустил оружие в ход.

Они вышли из пещерного коридора к тропе, ведущей вниз, к берегу. Неподалеку собралась целая толпа: эвендины с любопытством ожидали возвращения чужаков. Диос шагнул им навстречу; Генерал вытянул руку в сторону, не пуская за ним Эни и Юста.

– Все будет в порядке, – сказал им на прощание Диос. – И не заметите, как снова встретимся.

Он стал спускаться вниз. Эни только и оставалось, что с тоской смотреть ему вслед. Она все еще видела его, но уже казалось, что он до нее недостижим.

Движение вниз заставило ее встряхнуться. Эвендины расступились, пропуская Диоса, только один остался стоять посреди тропы. Хотя определять возраст эвендинов было нелегкой задачей, Эни даже с такого расстояния поняла: может, он и младше Архелы, но намного старше Юста. Он стоял, пока Диос не приблизился вплотную, а потом вдруг отшатнулся с пронзительным криком, как будто разглядел нечто ужасное. Два эвендина придержали его, чтобы он не упал.

– Что происходит? – спросила Эни.

Юст недоуменно пожал плечами. Генерал молча наблюдал.

Самое удивительное последовало мгновением позже. Проходя мимо перепуганного эвендина, Диос скользнул по нему взглядом и ухмыльнулся, после чего спокойно продолжил свой путь. Кто-то из собравшихся осторожно пошел за ним, другие остались на месте, очевидно, расспрашивая товарища, что произошло. Но тот только мотал головой.

Генерал жестом велел Эни и Юсту следовать за собой и повел их обратно в пещерный коридор.

Эни не раз потом вспоминала эту сцену и не могла понять, что она означает. Они с Юстом были не слишком далеко, но и не слишком близко. Может, ухмылка Диоса им только помешалась? Но они оба ее видели. Так или иначе, совершенно неясно, что случилось с эвендином, почему при виде Диоса его одолел такой страх. Юст утверждал – подобного не случилось никогда. Если люди или эвендины, бывало, осознавали, что Диос – посланник Предвечных,

они ощущали известную робость, но ни разу не срывались на крик. По меткому выражению Юста, эвендин повел себя так, словно увидел ильфита.

Будь у Эни больше свободного времени, она бы разыскала виновника переполоха. Но за два месяца, что она провела на Тоа-Дине, ей ни разу не удалось прогуляться по острову. Иногда она недолго сидела на том самом месте у начала тропы и пыталась разглядеть кого-нибудь внизу, но того эвендина так и не увидела.

День прибытия запомнился не только расставанием с Диосом и странным происшествием. Ее ждало еще два сюрприза. Оба – в покоях магистра Архелы, куда их с Юстом привел Генерал.

Эни никогда не приходилось бывать на приеме у короля Дориана, но она была уверена: в замке Эрбелы подобная аудиенция с правителем была бы невозможной. Архела ждала их в совсем небольшой комнате, очень холодной, заставленной не то мебелью, не то чем-то еще – каждый громоздкий предмет был накрыт белым полотном, из-под которого едва вырисовывались очертания. На стене висело тусклое зеркало в золоченой раме, которое, казалось, вообще неспособно что-либо отражать.

Архела сидела на чем-то, что скрывало белое полотно. Ее поза была совсем не королевской, и, не будь ее лицо таким странным, могла походить на ребенка, ожидающего взрослых.

Однако когда Архела заговорила, ее жесткий тон мигом убрал это впечатление.

– Сначала ты, Юстал. Прекрасно, что ты вернулся. Думаю, года в подземельях будет достаточно для того, чтобы ты осознал свои заблуждения и расплатился за то, что совершил.

Позже Эни узнала: подземелья на Тоа-Дине не были обычной темницей. Те, кого туда отправляли, занимались постройкой тоннелей, причем без применения магии. Эта работа была самой тяжелой и изматывающей на острове.

Но в момент, когда Архела сказала об этом, Эни поняла одно – Юста собираются наказать. И Юст, судя по его мрачному лицу, знал, что так будет. Знал – и все равно согласился отправиться с ней на Тоа-Дин.

В ней мигом проснулась Холодная Эни.

– Вы не можете так поступить, – сказала она. – За что? Что он такого сделал?

Архелу не возмутил ее тон.

– За то, что он сбежал с острова и поднял руку на тех, кто пытался его остановить. Его счастье, что никто не погиб, иначе трудиться ему в подземельях до конца жизни. Кроме того, он не скрывал своих намерений. Не знаю, удалось ли тебе, Юстал, убить кого-нибудь из людей, но покушение на убийство – тоже преступление.

– Но кроме этого, – горячо возразила Эни, опередив Юста, – он помогал Темнокрылым и был смертельно ранен ильфитом! Он выжил только благодаря Диосу и самим Предвечным! Потом Юст вместе с остальными отправился в Ишдат сражаться с людьми Готтрана. Он учил меня магии, он спас меня, он согласился прийти сюда только из-за меня! И после всего этого вы хотите его наказать?

Юст сначала косился на Эни убийственным взглядом, надеясь заставить ее умолкнуть, но она не обращала на него ровным счетом никакого внимания. И Юст был вынужден признать, что не узнает ее. Скажи ему кто пару недель назад, что Эндара рьяно бросится на его защиту перед магистром – он бы не поверил.

– Предвечные, прекрати верещать, – процедила Архела сквозь зубы, прикладывая пальцы к вискам. – Ладно, я подумаю. До той поры, Юстал, отправляйся к Эйдалу, будешь работать с ним. Он там же, где был до твоего бегства. Самовольно покидать его место запрещаю. Ты не свободен. Ясно? Иди.

Юст сделал Эни знак, чтобы она не спорила – ситуация разрешилась хотя и не совсем приятно, но гораздо лучше ожидаемого, – поклонился Археле и ушел.

Архела поднялась, все так же держась за виски, отвернулась к тусклому зеркалу и медленно, с явным бессилием опустила руки.

– Теперь ты... Рассказывай, – сказала она, не оборачиваясь.

Дыхание у Эни все еще было сбитым после речи в защиту Юста, мысли в голове путались от его внезапного ухода и осознания, что она теперь совсем одна. С трудом она вымолвила:

– Рассказывать что?

– Про Сорану. Про себя. Все с самого начала. Что произошло?

Имя матери, произнесенное магистром эвендинов, в очередной раз пробудило у Эни неприятное ощущение, что вся ее жизнь – ряд фальшивых картинок, за которыми она по глупости не смогла разглядеть реального положения вещей. Пересилив его, Эни коротко рассказала обо всем, смешав слова Диоса и Адаллы, открывшими ей правду, с собственными воспоминаниями.

Сорана, ее мать, вместе с ней оказалась вдали от дома, когда людей одолела новая вспышка ненависти к эвендинам. Они бросались на них толпами, убивали всех, не глядя – мужчин, женщин, детей. Эвендины защищались – и этим злили всех еще больше. В конечном итоге, людей было больше, а далеко не каждый эвендин, несмотря на магические способности, был готов убивать. В кровавой неразберихе Сорана, похожая на человека, притворилась обыкновенной девушкой, которую предал жених. В Соне ее приютил человек по имени Тугарт.

Эни помнила только то, что было потом: она считала себя человеком, а Тугарта – своим отцом. Он обращался с ними жестоко, но у них была еда и крыша над головой. В какой-то момент Сорана заболела, Тугарт запрещал к ней подходить. Позже Эни рассказали: он узнал, что она эвендин, и забирал ее кровь. Потом он сжег дом вместе с Сораной. Благодаря соседям Эни удалось бежать. Тугарт искал ее, но безуспешно. Следующие годы Эни работала служанкой – сначала в гостинице, потом ей повезло попасть в королевский замок, где она и встретилась с Диосом и Юстом.

Архела и Генерал слушали ее, глядя в разные стороны. Они ни разу ее не перебили. Только когда Эни сказала про умирающую Сорану и сгоревший дом, их, и без того хмурых, накрыло темными облаками – плечи Архелы поникли, Генерал еще ниже наклонил голову.

– Понятно, – сказала магистр. – Значит, ты почти не помнишь своего детства.

– Да, все очень смутно. Я понятия не имела, что я эвендин.

– Неудивительно. Это из-за заклинания, связывающего магические способности. Оно сильно влияет на сознание, чаще всего непоправимо, отчасти поэтому применять его запрещено. Сорана, должно быть, была в отчаянии, раз решилась на такое.

Архела отвернулась от зеркала и со вздохом провела по лицу ладонями.

– Извините, магистр, – неуверенно проговорила Эни. – Выходит, вы ее знали? Мою мать?

– Еще беда на мою голову... – пробормотала Архела, снова потирая висок. – Сорана была моей дочерью. Честно говоря, я надеялась, что однажды вы вернетесь вместе. Хотя и понимала, как это маловероятно.

Ошарашенная Эни не могла произнести ни слова. Она посмотрела на Архелу новым взглядом, пытаясь осознать услышанное и одновременно – найти в ее лице что-то похожее на мать.

Архела была ее бабушкой. Нет, поверить в это было решительно невозможно. Впрочем... «Я привел Эндару», – сказал Диос на берегу. Пристальные взгляды после этих слов.

Он знал. Все знали.

– Что ты смотришь? – Архела криво усмехнулась. – Давай сразу проясним: статус магистра тебе не светит, да и работа эта не сахар.

– Мне этого не надо, – пролепетала Эни. – Я просто... Я... Нет, – одернула она сама себя, напоминая, зачем отправилась сюда. – Я была бы благодарна, если бы вы рассказали больше о моей матери. Но я пришла, чтобы учиться. Я владею магией воздушных струн.

– И без тебя знаю, – проворчала Архела и в ответ на вопросительный взгляд нехотя пояснила: – Были признаки в детстве. Без обучения не останешься, я не допущу такого позора. А пока уходи. Мне надо подумать. Генерал, не спускайте с нее глаз.

Громкие голоса отвлекли Эни от воспоминаний. Она остановилась, дожидаясь, пока эвендины пройдут по коридору, в который ей предстояло свернуть. К ней вроде бы привыкли, но сталкиваться ни с кем не хотелось. Эни слишком долго жила среди людей, уверенная в том, что эвендины – сущее зло, чтобы так быстро перестать опасаться их.

Жизнь на Тоа-Дине оказалась для Эни не такой уж плохой, если не считать грубостей Ларданы, помощницы Архелы, которая обучала ее магии. Большую часть дня она выполняла различные задачи, на первый взгляд пустяковые, но на деле достаточно трудоемкие: с большого расстояния зажечь свечу и ничего не спалить при этом, заставить поколыхаться край покрывала, вылить воду из стакана четырьмя разными способами, разумеется, ни к чему не прикасаясь. У нее была своя комната, ей не запрещали навещать Юста и вообще бродить где вздумается – так, во всяком случае, думала Эни. Генерал, как и приказала Архела, не спускал с нее глаз. Когда бы Эни ни вышла из своей комнаты, он ждал у двери, всегда с одним и тем же, убийственно суровым выражением лица, и шел за ней, но ни разу не попытался ее остановить. Он и сейчас следовал за ней. Эни настолько к этому привыкла, что иногда забывала о его существовании.

Она повернула в опустевший коридор и через несколько минут вышла к нужной двери. Хотела войти, но вдруг уловила движение справа.

Мимо проходил эвендин. Тот самый, что в первый день закричал при виде Диоса.

– Подождите!

Эни рванула к нему. Эвендин сделал вид, что не слышит, и продолжил идти своей дорогой. Он даже не ускорила шага, но когда Эни забежала за угол, то увидела только пустой коридор.

Глава 2

В жилище Юста было необычно тихо: ни разговоров, ни шорохов, ни ругательств, которыми обычно сопровождалась его работа. Слышался только мерный хруст раскалываемых камней.

Эни прошла в сумрачное, не слишком просторное помещение с низким потолком, мало чем напоминавшее ее комнату. Стены здесь были не ровными, а бугристыми, как в обыкновенной пещере – по сути, это она и была, – пол заставлен корзинами, между которых валялись различные инструменты. Но Эни знала: многим эвендинам, в том числе и Юсту, такое как раз по душе. В Предгорье он постоянно убегал из уютной комнаты в темную и сырую пещеру.

Сейчас Юста здесь не было. У большого плоского камня, приспособленного под стол, сидел один Эйдал. Он доставал из корзины с виду ничем не примечательные булыжники, раскалывал их – иногда при помощи магии, просто касаясь пальцем, иногда – используя инструменты, – освобождал из каменного плена драгоценную руду и переходил к следующим. Юст по приказу Архелы должен был заниматься тем же самым, и это значило, что с Эйдала потребуют в два раза больше руды, чем обычно.

– Здравствуй, – сказала Эни. – А где Юст?

– Здравствуй, Эндара. Там, – Эйдал кивнул себе за плечо, в сторону второй комнаты. – Ему нездоровится.

– Я могу пройти?

– Конечно. Только не буди его, если он спит. Сон лечит лучше магии.

Эни прошла мимо, осторожно протискиваясь между корзин и переступая через инструменты. Второе помещение было еще меньше, в нем едва помещались каменный чан с водой и две соломенные подстилки. На одной из них лежал Юст. Приоткрытые глаза влажно блестели, краснота обычно бледных щек была заметна даже в тусклых отсветах, дотягивающихся сюда от лампы Эйдала.

– Как ты? – тихо спросила Эни, подходя к нему. Чтобы сесть, пришлось приподнять полу длинной светлой туники, которую ее заставили надеть вместо «человеческого», по выражению Архелы, платья.

– Нормально, – буркнул Юст.

Эни и не ожидала от него другого ответа. Ей прекрасно помнилось, как Юст, получивший смертельные ранения и выживший лишь чудом, ни в какую не хотел мириться со своим состоянием и то и дело порывался встать на ноги. Но можно было и не спрашивать – лихорадка была заметна невооруженным глазом.

– Нужно позвать лекаря. Здесь же есть?..

– Целители. Да, есть, но незачем. Это ерунда. – Юст нахмурился. – Что у тебя с лицом? Лардана?

– Нет. Я видела того эвендина, помнишь, который испугался Диоса. Он проходил справа, я побежала за ним. Завернула за ним почти сразу, но его уже не было.

– Справа? Там некуда деться, да и коридор не больно короткий. Наверное, просто не хотел с тобой говорить. Сделал себя невидимым, и все. Нужно было попробовать найти признаки умозрительной магии и нейтрализовать. Могла бы, кстати, воздушными струнами.

Эни мысленно обругала себя. Иногда ей казалось, что она уже довольно неплохо развила свои магические способности, но привыкнуть к этому месту, где магию мог применять каждый, никак не получалось. Юст был прав, однако ей это попросту не пришло в голову.

– Да ладно тебе, – сказал Юст, заметив ее расстройство. – Понятно, когда живешь с этим всю жизнь, все просто. Видела бы ты меня сразу после прибытия в Фарадон. Я целый час

наблюдал за людьми, думая, что они безумны, пока наконец не понял, что они просто чистят колодец.

Улыбка сама собой тронула губы Эни. Юст устало прикрыл глаза, она не стала больше тревожить его разговором и вернулась к Эйдалу.

– Как он?

– Не очень хорошо. Но звать лекаря... То есть, целителя, не хочет.

– Не беспокойся. Скорее всего, это с непривычки. Он давно не был в такой среде, да и не работал руками тоже давно. Если ему станет хуже, я позову целителя.

Говоря, Эйдал продолжал колоть камни. Иногда казалось, что те раскалываются от одного его взгляда, а длинные пальцы выбирали крошки руды так быстро, что глаз едва улавливал движение.

– Можно вам помочь? – спросила Эни неожиданно даже для себя.

– Если хочешь.

Она присела напротив Эйдала и взяла из ближайшей корзины первый попавшийся камень. Он оказался таким тяжелым, что пришлось как можно скорее положить его на стол перед собой.

– Камни можно раскалывать по-разному, – сказал Эйдал. – Опаловое пламя лучше всего, только надо превратить его в стрелу – маленькую и быструю. Если на камне есть трещины, направлять надо в трещину. Если нет – тогда в середину, и сил вложить нужно побольше.

Эни уже умела использовать опаловое пламя, оно легко вспыхивало в ее ладони голубоватым светом. Чем-то оно напоминало огонь, однако при использовании в бою становилось куда более мощным оружием. При должном умении оно могло испепелить и даже взорвать. Но как превратить его в стрелу, Эни не представляла.

– Ты ведь владеешь магией воздушных струн, – подсказал Эйдал. – Пользуйся этим.

– Лардана мне запретила. А Архела, к несчастью, приказала слушать ее, если я хочу побыстрее закончить обучение.

– Тебе не нужно использовать сами струны. Они – просто инструмент для твоей магии. Ты обучалась через музыку, верно? Звуки – твоя стихия. Опирайся на них.

Эни задумалась, с каким звуком могла бы пронестись опаловая стрела. Представился стремительный звук, с каким пронесется порыв морского ветра, и он сразу же расположил ее к нужным ощущениям. Трещин в камне она не увидела, поэтому просто положила палец на его середину и, держа в уме звук, использовала опаловое пламя.

Яркая искра прошибла булыжник насквозь – он раскололся на несколько частей – и ударила в каменный стол, оставив небольшое углубление и черное обугленное пятно.

– Хорошо, только надо чуть слабее. Теперь выбирай руду. Заставь ее тянуться к своим пальцам.

Что-то похожее Эни уже делала под руководством Ларданы. Сначала нужно было напитать частички своей магией, а потом вернуть ее себе. Эйдал делал это необыкновенно быстро, не задерживая пальцев даже на секунду, у Эни же бледно-золотистые крошки выпали из камня медленно и неохотно. Но, по крайней мере, у нее получилось.

– Из вас бы вышел хороший учитель, Эйдал.

– Я был им. Пока Юстал не сбежал.

Когда Эйдал говорил это, ни в его лице, ни в тоне ничего не изменилось. Он продолжал спокойно раскалывать камни и собирать золотистые крошки. Эни впервые об этом слышала и подумала, что, возможно, именно в этом причина нервозности Юста.

Она сильно переживала из-за наказания, назначенного Архелой, и навестила Юста при первой же возможности. Хотя работа с камнями была не слишком сложной, а Эйдал казался располагающим и добрым, таким мрачным Эни не видела его никогда. И еще сильнее удивив-

лась, узнав, что Эйдал – его отец, и прежде Юст жил здесь вместе с ним. Фактически, Архела просто отправила его под домашний арест.

– Это наказание? – тихо спросила Эни, думая, что если так, обязательно попросит Архелу отменить его. – Это ведь не вы сбежали.

– Сначала было наказанием. Пусть сбежал не я, отец несет ответственность за сына. Архела велела заниматься этим делом лишь месяц, но когда срок вышел, я понял, что не хочу возвращаться к учительству. Я устал. Пока я не остановился, не осознавал, как мне больно видеть детей. Эриль умерла. Юстал сбежал. Когда я перебираю камни, чувствую себя куда лучше.

В памяти Эни пронеслось эхо ощущений, которое она случайно получила от Юста, неосознанно используя способности *дайи* – чтения эмоций. Тогда его глазами она увидела, как люди убили его сестру, Эриль. Эйдал в последний момент сумел спасти Юста, и они сбежали на Тоа-Дин.

Уже здесь Эни узнала, что мать Юста так и не оправилась от потери. Юст терпел сколько мог, но после ее смерти бросил все и сбежал в Фарадон. Ему невыносимо было прятаться на острове и ничего не делать, пока люди продолжали жить в свое удовольствие и убивать эвендинов.

Теперь Эни стало ясно: Юст чувствовал себя виноватым, и потому находиться рядом с отцом ему было вдвойне тяжелее.

– Вы на него злитесь? За то, что он сбежал.

– Поначалу... Нет, я все же не злился, а скорбел. Я думал, он натворит бед и умрет с искалеченной душой. Так обычно случается, когда кто-то бежит в Фарадон. Но он вернулся, и вернулся совсем иным. Кем бы ни был этот Диос, он сильно на него повлиял.

– А вы не знаете, кто он? – осторожно спросила Эни. – Архела говорила с ним так, словно они раньше встречались.

Эйдал на мгновение отвлекся от камней и посмотрел на нее своими огромными серыми глазами. Пока он занимался своим делом, с трудом верилось, что он прожил уже почти полвека, но тяжелый взгляд развеивал обманчивое впечатление.

– Ты ведь не знаешь, что произошло в Эрбеле, когда туда пришли Гении. Так?

– Королю Дориану явился Дзуликий и сказал ему, что эвендины оставят Эрбелу и отдадут власть людям, если он пообещает мирное сосуществование. Король Дориан согласился.

– А что произошло между Дзуликим и эвендинами, ты никогда не задумывалась?

– Разве что-то произошло? – Эни неуверенно нахмурилась. – Я думала, Дзуликий явился только королю Дориану.

– И эвендины просто ушли, поверив на слово, что он встретил Дзуликого? – Эйдал усмехнулся. – Магистр Архела скорее бы передала свой статус ребенку, чем поверила бы ему.

– Тогда что случилось? Расскажите мне.

Эйдал снова вернулся к работе – взял камень, расколочил, бегло выбрал золотую крошку и перешел к следующему. Эни последовала было его примеру, но дело пошло куда хуже, чем раньше – она волновалась, ведь всегда слышала эту историю только в одном варианте. После встречи с Диосом она имела возможность убедиться, как может перевернуться мир, если услышать версию произошедшего с другой стороны.

– Никто не знает, как Гениям удалось проникнуть в Эрбелу, – начал Эйдал. – Следует отдать им должное: потерь было не так много, как могло бы быть, пройди они через главные ворота. Они сразу устремились в замок, в то время это была резиденция магистра Архелы. Много крови пролилось около и внутри него. Мы не собирались так просто сдаваться. Нашим долгом было защитить магистра и изгнать Гениев. Нельзя сказать, что преимущество было на их стороне. Но в один момент раздалась условленные звуки... Знак от Архелы, что нужно немедленно прекратить бой. Это то, что известно от многих свидетелей. Остальное известно

лишь Археле. – Эйдал со вздохом сбросил со стола осколки камня и взял следующий булыжник. – Она говорила неохотно и отказывалась сообщать подробности. По ее словам, она увидела Двуликого. Он предложил ей поступить по справедливости: передать власть в Фарадоне законному наследнику престола, с условием, что наследник обеспечит эвендинам безопасность и мирное сосуществование с людьми. Архела не видела смысла спорить с посланником Предвечных и рассудила, что это действительно будет справедливо. Ведь в свое время именно эвендины силой захватили власть. И все же у нее были сомнения.

– В чем?

– Сложно сказать. Она сказала лишь, что в ответ на эти сомнения Двуликий обнадежил ее, сказав, что если обещанный мир будет нарушен, он придет снова. Архела спросила, сможет ли она узнать об этом – ведь тогда, до последнего момента, она понятия не имела, что мир посетил Двуликий. И он ответил, что она сможет узнать о его приходе по имени. Это имя – Диос. Так он сказал.

– Но... – Эни растерялась. – Если так... Вы все равно не верите?

– Я не говорил с ним, лишь видел издали, когда мне принесли весть, что вернулся Юстал. Он уже уходил. Но давай взглянем правде в глаза: кто угодно мог бы назвать себя Диосом, хотя для этого, конечно, нужны недюжинные смелость и наглость. Мы никогда не распространялись об этом разговоре Двуликого с Архелой, и все-таки о нем знает практически каждый эвендин. Не думаю, что людям было бы сложно узнать об этом.

– Нет, – уверенно сказала Эни. – Это не так. Он бы не стал лгать. Он делал вещи, которые... В которые невозможно было поверить, и все-таки они случились.

– Может быть. Но Юстал сказал мне, что Диос никогда не называл себя Двуликим и говорил, что каждый должен решать сам. Это справедливо. И я пока решить не могу.

Эни вспомнились слова Архелы: «Давно не виделись – это мне следует сказать?.. Не иначе как пришел с очередной личной просьбой?»

– Но если бы это был не он, Архела бы об этом узнала, встретившись с ним. Разве нет?

– Я скажу так, Эндара: никто, кроме Дориана и Архелы, не знает, что произошло тогда в замке Эрбелы, с кем они виделись и какие указания получили. Что-то они сказали, но мало и точно не все. К счастью, тревожиться еще и из-за прихода Двуликого у меня просто нет сил, – Эйдал слабо улыбнулся. – Думаю, Диосу не будет никакого ущерба, если я буду продолжать сидеть здесь и задаваться вопросом, а правда ли он посланник Предвечных. В любом случае, я бесконечно благодарен ему, ведь он спас жизнь Юсталу. Да и душу, пожалуй, тоже. Ты знаешь, Эндара... Не обязательно быть кем-то необыкновенным, чтобы помочь другому встать на правильный путь.

Эйдал внимательно всмотрелся в извлеченные золотистые крошки, сбросил несколько на пол, а остальные плавным движением смахнул в наполовину наполненную склянку.

*

Разговор оставил у Эни тяжелое впечатление. Нельзя было сказать, что слова Эйдала неразумны, напротив. Но это был первый раз, когда Эни столкнулась с кем-то, кому прямо сказали – Диос – Двуликий, и этот кто-то попросту не поверил. «Ну, он же не видел все своими глазами, – успокаивала себя Эни. – И не чувствовал ту магию».

Ее вера не пошатнулась ни на миг, но все равно стало интересно, что же на самом деле произошло в замке Эрбелы. Как именно выглядел Двуликий? Почему и Дориан, и Архела сразу поверили, что он – посланник Предвечных? Расскажет ли Архела, если спросить? Вряд ли, уж скорее сам Диос, когда они встретятся снова.

За этими мыслями Эни не заметила, как дошла до своей комнаты. Все это время перед ней неприятно маячила тень – Генерал по-прежнему неслышно ступал за ней. Раньше было

неудобно заходить в комнату и оставлять его за порогом, но теперь Эни и к этому привыкла – Генерал встал у стены, сложив руки на груди, а она зашла к себе и прикрыла за собой дверь.

Сухой цветок лежал на столе, напоминая Эни о собственном бессилии, и при взгляде на него ей стало еще хуже.

Прошло уже достаточно времени с тех пор, как Диос оставил их здесь. Юст заперт, а теперь еще и болен. Она сама не способна выполнить пустяковое задание, оставленное ей в явной издевке.

Эни прикрыла глаза. «Звуки – твоя стихия», – прозвучал в голове голос Эйдала.

Она коснулась пальцем сухого стебля и решила: будь что будет.

Мелодия сама пришла на ум – сотканная только из природных звуков, она напоминала робкий весенний ручеек. Эни прислушалась к ней, свыклась с ее неспешным темпом и в согласии с ним направила искорку магии в цветок. Тот дрогнул и как будто увлажнился; Эни посмотрела на него и увидела, что стебель снова позеленел, а лепестки наполнились синевой.

Вслед за облегчением едва не пришло опьянение собственными возможностями, но ему воспрепятствовала Архела.

– Отлично, – сказала она, и Эни вздрогнула – отдав все внимание музыке, что звучала в ушах, она не услышала, как отворилась дверь. – Только не обольщайся – цветок все равно мертвый, он лишь выглядит живым. Твоя сила испарится, и он снова станет как прежде.

Эни огорчилась: цветок действительно начал потихоньку утрачивать краски.

– Что ты расстроилась? Ничто не вечно в этом мире. Уж тебе бы следовало это усвоить. А что касается Ларданы, именно такого результата она от тебя и добивалась. Теперь пойдём... Погуляем.

Заинтригованная, Эни послушно пошла за ней. Раз в неделю Архела звала ее к себе, они пили пряный травяной напиток, магистр задавала один и тот же вопрос – как проходит обучение – а затем старалась вытянуть из нее какие-нибудь подробности о Соране. Сперва Эни казалось, что она просто очень тоскует по дочери, но потом поняла: Архела хочет знать, что именно с ними произошло. Как выяснилось, Сорана была достаточно сильна, чтобы дать отпор – если не сразу, то после. Однако вместо этого она связала свою дочь заклинанием и довольно долгое время жила под видом человека. Немыслимо. Но Эни ничем не могла помочь – все, что она помнила, рассказала в первый же день.

Так или иначе, на прогулку Архела ни разу не приглашала, все их встречи были короткими и не особо душевными: глядя на них со стороны, едва ли кто мог предположить, что они родственницы, хотя, как заметила Эни, все же Архела разговаривала с ней несколько мягче, чем с остальными, и это грело ей сердце.

Выйдя из комнаты, Архела, не глядя, махнула рукой в сторону Генерала, и он остался стоять на месте. Эни воспользовалась моментом, и когда они отошли на порядочное расстояние, спросила:

– Почему ты приказала ему следить за мной? – при личных встречах Архела велела ей обращаться по имени и на «ты».

– Чтобы ты не исчезла снова куда-нибудь, – буркнула Архела.

– Куда я могу деться? – удивилась Эни. – И разве у генерала нет более важных дел?

Архела расхохоталась.

– Где ты видела немого генерала?! Одно название, что генерал.

Этот смех не понравился Эни, но она промолчала. Можно было самой догадаться – Генерал за все время, что она здесь, не издал ни единого звука. Впрочем, это только все еще больше запутало. Неясно, почему, учитывая особенность Генерала и ядовитый смех Архелы, она все-таки держала его при себе в числе первых приближенных.

Они одолели извилистый коридор, спустились по каменной лестнице, прошли еще немного и наконец выбрались наружу. Эни с удовольствием вдохнула свежий воздух, плывший

с моря. Все-таки в жилье, сделанном прямо в горах, было очень неудобно, и она не представляла, как Юст мог променять комнату в доме на сырую пещеру.

Спуск с горы напомнил Эни первый день, проведенный на Тоа-Дине, и она в очередной раз остро почувствовала, как соскучилась – не только по Диосу, но и по остальным Темнокрылым, по Кристине и по зелени Предгорья. На Тоа-Дине растительности было удручающе мало, лишь на одном далеком участке острова темнел небольшой лесок.

По пути им попадались эвендины. Для Эни было удивительно, что магистр так просто ходит по острову, без свиты и охраны, а все встречные и не думают выражать благоговение, просто кланяются мимоходом.

– Это тебе не человеческие церемонии, – покосилась на нее Архела после очередной такой встречи. – Магистр – не то же самое, что король. Среди эвендинов очень мало тех, кто хотел бы править, следить за порядком. Все понимают, как это сложно, поэтому магистр пользуется огромным уважением.

– А тебе хотелось править?

– Нет, но никто и не спрашивал. У меня было больше нужных способностей, чем у других, вот и пришлось. Как видишь, преемника у меня до сих пор нет, хотя и пора бы. Надеюсь привлечь к этому делу Лардану, но она больно много о себе думает, а надо бы о других. Посмотрим.

Представив, что Лардана станет магистром, Эни невольно поежилась. Она была уверена, что та бы выбросила ее с Тоа-Дина в мгновение ока.

Извилистая тропа неожиданно свернула в сторону, и они стали огибать гору. Вскоре появилась лестница, ведущая вверх. Взойдя по ней, Эни и Архела оказались на ровной площадке с балюстрадой. Архела облокотилась на нее и поманила Эни пальцем. Подойдя, Эни увидела внизу довольно большое пространство, на котором собралось с десятков эвендинов. В руках у них были музыкальные инструменты – виелы и арфы, один держал магадис.

– Они будут играть? – заволновалась Эни.

– Конечно. А ты думала, они решили просто выгулять инструменты?

Архела помахала рукой, привлекая внимание. Эвендины внизу заметили ее и принялись пробегать пальцами по струнам, настраивая инструменты. Горное эхо разнесло вокруг мелодичные трели.

– Я редко такое здесь позволяю, – сказала Архела. – Слишком громко. Но сегодня немного послушаем. Только слушай внимательно, всем своим существом. Не пытайся запомнить мелодию, разобраться в звучании разных инструментов. Просто растворяйся в музыке. Поняла?

– Думаю, да.

В одиночестве играя на виеле, просто потому, что просила душа, а не для того, чтобы изучить сложные гаммы, Эни именно это и делала – сливалась воедино со звуками, исчезала в них.

Эвендины закончили настройку и заиграли. Сначала зазвучала одна виела, потом к ней присоединились еще две, один за другим вступили другие инструменты. Мелодия была нежной, то ровной, то как будто немного грустной. Эни вслушивалась в нее и чувствовала себя очень спокойной, но вскоре звуки сменились тревожными перепадами и стали прерывистыми и резкими, заставляющими думать о бессильной злости; они резали изнутри, словно нож, и горное эхо делало их еще резче и болезненнее. Через минуту музыка стала жесткой и грозной, как боевой марш, и наконец – снова нежной, грустной и безусловно красивой. Эни не заметила, как по ее щекам потекли слезы, хотя она не смогла бы объяснить, почему.

Музыка незаметно затихла. Эвендины внизу принялись спокойно переговариваться – они делали друг другу замечания и посмеивались, словно не исполнили только что грандиозный концерт перед магистром, а просто сыграли ради забавы.

– И как? – спросила Архела.

– Потрясающе красиво, – Эни вытерла слезы.

– Предвечные. Это и так понятно по твоим рыданиям. Твои ощущения – я о них спрашиваю.

– Ощущения?

– Да. Или ты слушала только ушами? Я, кажется, сказала тебе раствориться в музыке.

Эни не была уверена, о том ли спрашивает Архела, но рассказала, что чувствовала: как некоторые части неприятно царапали по душе, как пугал марш и, в то же время, как хотелось взять эту силу под контроль, возглавить ход невидимой армии; с каким облегчением воспринялась нежная грусть, что была в конце.

– Хорошо, – Архела удовлетворенно кивнула. – Сможешь повторить?

– Ну... – Эни растерялась, она, как ей и было сказано, не пыталась запомнить мелодию. – Точно так – конечно, нет. Но я запомнила настроение и, возможно, получится что-то похожее. То есть, я не смогу в точности так сыграть звуки, но могу передать настроение. Только я не стану этого делать.

– Почему?

Эни стоило немалых трудов рассказать, что в последний раз, когда она попыталась поделиться своим настроением, все в Предгорье благодаря ее магии узнали, что Диос – Двуликий, хотя он просил держать это в тайне. Архела, выслушав ее, фыркнула.

– Тоже мне проблема. Ты просто еще не умела как следует контролировать магию. Те, кто сейчас играл – они же тоже ее использовали, просто в меру. Чтобы передать то, что они хотели передать. Впрочем, мне и не нужно, чтобы ты играла на виеле. Суть в том, чтобы использовать услышанное, играя на воздушных струнах.

Раздался обрывок протяжной мелодии, потом еще один. Эвендины внизу спорили – наверняка о том, как правильной исполнять определенные моменты.

Архела, не обращая на них внимания, продолжила:

– Учить тебя толком больше нечему. Основы ты знаешь, дальше поможет только опыт. В том, что касается музыки, у тебя его безбожно мало, а это для тебя критично – магию воздушных струн именно так и развивают – звуками, их сплетениями, умениями вычленять, понимать и преобразовать. Сейчас ты услышала что-то новое – услышала и поняла, а значит, сможешь использовать. Не так важно выбрать нужные струны, как правильно на них сыграть. Например, выберешь струны воздуха, движения, света и воды. Результат будет. Но если сыграешь на них что-то похожее на, как ты назвала его, марш, удивишься, насколько лучше получится. Сметешь людей подчистую.

При одной этой мысли к горлу Эни подступила тошнота.

– Ничего подобного я не собираюсь... Но подожди, что значит – нечему учить? Лардана даже ни разу не разрешила мне использовать воздушные струны!

– И правильно, – усмехнулась Архела. – Тебе было необходимо обучиться с нуля, простейшим вещам, которые умеет даже ребенок, и развить их до определенного уровня. Обучить тебя магии воздушных струн Лардана не сможет – она же ей не владеет. Я тоже не владею, а единственную подсказку, которая мне известна, я дала тебе только что.

– А кто владеет? – не сдавалась Эни. – Не может же быть, что только я.

Архела вздохнула и подняла руку над балюстрадой. Музыканты заметили этот сигнал и с сожалением отложили инструменты.

– Красиво, конечно, но тут – очень громко, мешает другим работать... – пробормотала Архела. – Ничего такого уж особенного в тебе, Эндара, нет. Просто способности к такой магии не очень распространены. Я знала одиннадцать Струнных, не считая тебя. К сожалению, большинство убили люди, кого-то во время битвы за Фарадон, кого-то уже после... Двое умерли сами – они уже были достаточно стары. Один из них, к слову, был твоим прадедом.

– И нет никаких книг? – в отчаянии спросила Эни. – Как такое может быть?

– Спроси у Дориана и его прихвостней. Мы чудом спаслись от бойни, наши библиотеки сгорели, как и многое другое. Когда видишь, как пытаются заживо сжечь твоих близких, о спасении книг как-то не думаешь.

У Эни опустились руки. Она не зря прибыла на Тоа-Дин – хотя бы потому, что встретила с Архелой и худо-бедно приручила магию, наполняющую ее кровь, научилась лучше ее использовать и понимать. Но этого явно было недостаточно. Диос все время повторял, как важны воздушные струны, и ясно, почему: можно привлечь достаточно эвендинов, однако именно такой силы, а ее можно применять очень по-разному, так просто не найти. Отправляясь сюда, Эни воображала, что сможет полностью овладеть струнами, возможно, даже узнать, как одной мелодией сразить всю армию Готтрانا, но увы.

– Ладно, не печалься, – сказала Архела, и в ее голосе прозвучало редкое для нее сочувствие. – Во-первых, как я и сказала, опыт тебе поможет. Слушай все, экспериментировать со звуками на своей виеле. Во-вторых, после того, как ты овладела основами магии, должно получаться лучше. В-третьих... Возможно, все-таки есть кое-кто, кто мог бы тебя кое-чему научить.

– Кто? – встрепенулась Эни. – Кто-то еще жив? Из тех, кого ты знала.

– Ну... Можно и так сказать. – Архела нахмурилась. – Не больно мне хочется отпускать тебя туда. Разумом хочется, а душой нет. Опасно.

– Я пойду, – сразу решила Эни. – Пойду. Где этот эвендин?

Архела улыбнулась, и в ее улыбке засквозило что-то недоброе.

– Пешком не дойдешь.

– Тогда как? Он в Фарадоне?

– Нет. Ты когда-нибудь слышала про Эла-Им?

С полминуты Эни лихорадочно пыталась вспомнить, о чем речь. Слово было смутно знакомым. Неужели она упустила что-то из сказанного Ларданой? Нет, точно нет. Что-то такое встретилось ей в сборнике легенд, прочитанном в Предгорье. Она тогда еще удивилась, потому что ее подруга Лирди, от которой она знала все эти сказания, никогда не упоминала ничего подобного.

– Остров, – наконец вспомнила Эни. – Это остров далеко за Тоа-Дином. Место, куда отправляются мертвые. Место, где...

Она оборвала себя на полуслове, внезапно осознав, что говорит.

Архела продолжала смотреть на нее с недоброй улыбкой, замершей на тонких губах.

Глава 3

– Не нравится мне эта идея, – пробурчал Гильем.

Родрик с трудом удержал при себе хлесткое выражение. Эти слова за последние дни он слышал не раз и не два. Даже Диос вздохнул:

– Мы поняли, Гильем. Если мы признаем, что нам это тоже не нравится, тебе станет легче?

Вместо ответа Гильем выругался, споткнувшись о корягу. Легче бы ему стало только в том случае, если бы Диос признал: глупо верить Родрику, и еще глупее – соглашаться на условия мятежников, а значит, самое разумное, что можно сделать – повернуть назад и рассчитывать исключительно на свои силы, как они изначально и собирались.

Однако Диос сразу дал понять: он согласен на предложение Родрика, а уж идти Гильему с ним или нет – его воля. Но такого вопроса перед Гильемом даже не стояло. Будь Диос хоть тысячу раз посланником Предвечных, отпустить его одного на встречу с мятежниками? Ни за что.

Безумная идея появилась около недели назад. Собственно, ее принес Родрик. Темнокрылые в почти полном составе, если не считать Юста, оставшегося на Тоа-Дине, и Тарда, вместе с Шету ушедшего переговорить с Лесным братством, находились в Предгорье и напряженно обсуждали запасы продовольствия.

Магический барьер, созданный эвендинами Лесного братства, отделял Предгорье от остального Себлира, и это не было особой проблемой, пока Готтран не заручился разрешением короля Дориана атаковать Предгорье. Сделать он этого фактически не мог, но даром времени не терял. Во-первых, стягивая войска в Себлир, Готтран требовал от своих подчиненных разрушить треклятый барьер либо найти способ его обойти – например, вырезав всех до единого симарглов. Несмотря на прошлую неудачу, одна попытка была предпринята – и завершилась она так же позорно, как и предыдущая. Симарглы, внешне выглядящие как люди, если не считать огромных крыльев, ясно дали понять, что путь через горы людям заказан. В планы Готтрана не входило терять солдат еще до встречи с Йораном, который, он был уверен, до сих пор правит Предгорьем, поэтому от этой идеи он пока отказался.

Вторым вариантом был проход через лес – логично предположить, что где-то в его чаще барьер заканчивается. И хотя проход через буйные заросли даже одного отряда предполагал большие сложности, Готтран велел проверить этот вариант. Надумал ли он что-то по этому поводу, оставалось неясным. Его люди побродили вокруг, но, как заверяли эвендины Лесного братства, до конца барьера пройти не смогли: помешали буреломы, болота и убийственная темная аура, распространившаяся по лесу благодаря ильфитам.

Наконец, в-третьих, Готтран позаботился о том, чтобы никто не покинул Предгорье без его ведома, а это значило, что о закупке продовольствия придется забыть. Ситуация пока не была критической: лорд Йоран старался обеспечить себя всем самостоятельно, и хотя после произошедшего в Ишдате народу в Предгорье сильно прибавилось, еды впритык, но хватало. Кое-какую помощь – очень неохотно – оказывало Лесное братство, в обмен на хлеб и молоко они приносили мясо зверей и птиц. Однако долго так продолжаться не могло, это не было секретом ни для Темнокрылых, ни для Готтрана.

Но самое главное, из-за окружения Темнокрылые не могли передать Дориану письмо Архелы, на которое они возлагали немало надежд.

В самый разгар обсуждения, когда Гильем яростно возражал Одеру, пытаясь донести, что бестолку ждать, пока они ослабнут от голода, надо вдарить в тот момент, когда сил достаточно, явился Шету. Спор сразу утих.

Эвендин, которого Диос привез с Тоа-Дина, у всех до единого вызывал сложные чувства, и они совсем не походили на то, что Темнокрылые испытывали к Юсту. Тот давно стал им верным товарищем, на которого всегда можно положиться, а во всем облике Шету сквозило нечто угрожающее, и хотя он ни разу не повел себя грубо, поворачиваться к нему спиной никому не хотелось. Да и говорить при нем лишний раз – тоже.

Шету, судя по всему, прекрасно это понимал. На нем была искусственная кожа, сделанная эвендинами – маскировка высшего класса, благодаря которой его никак нельзя было отличить от деревенского мальчишки. Юное лицо, черные короткие волосы, чуть прищуренные глаза – ни дать ни взять обычный пацаненок, если бы не зловещая улыбка, в которой мигом растянулись его губы. Никто, включая Диоса, ни разу не видел его настоящего лица и даже предположить не мог, сколько ему на самом деле лет.

– Есть ли у вас должность того, кто заставляет молчать? Мне кажется, я бы вполне подошел.

– Ты нанят, – проворчал Гильем.

– Где Тард, Шету? – спросил Диос. – Все хорошо?

– Как сказать. Подданные Рандэла сказали, что в лесу кто-то пытается пройти через барьер. Очевидно пытается, явно добиваясь, чтобы его заметили. Мы пошли посмотреть и увидели человека. Тард потребовал, чтобы его пустили.

Все до единого взгляды обратились на Шету.

– Чего смотрите? Я не знаю, кто он. Тард ведет его сюда. Видимо, не настолько ему доверяет, чтобы спускать с него глаз и позволять видеть, как здесь обстоят дела.

Долго гадать, в чем дело, не пришлось: Тард приволок Родрика, которому предусмотрительно завязал глаза. Диос тут же сорвал с него повязку и как ни в чем не бывало поприветствовал:

– Давно не виделись! Извини за такие сложности, времена тяжелые.

Родрик со вздохом потер голову, освобожденную от повязки, и неловко помялся. Тард многозначительно похлопал себя по поясу: на нем, помимо его собственных меча и ножа, висели два кинжала, конфискованные у Родрика.

– Голоден? – спросил Диос. – Самое время обеда.

– Ну это уже ни в какие ворота, – вздохнул Гильем.

Эрналд в ответ на его возмущенный взгляд безразлично пожал плечами. Здоровяк Одер усмехнулся в густую бороду.

С Родриком они познакомились не так давно. Он жил в деревне, Диос под личиной лорда Йорана нанял его учить Эндару игре на виеле. Потом в один прекрасный день выяснилось, что Родрик – мятежник, по случайности застрявший в Предгорье. По справедливости, он проявил себя не так уж плохо: когда Эндару похитили, вместе с ними отправился выручать ее, хотя никто его об этом не просил, показал тайный путь в Ишдат и по глупости утащил ее кровь, причем сам не выпил ни капли. Однако в ответ на предложение Эни стать Гением решительно отказался и попросил позволить ему покинуть Предгорье. В общем, об особом доверии речи действительно не шло. О Гетасе, предводителе мятежников, давно ходили противоречивые слухи, которые сходились по крайней мере в одном – он тот, от кого следует держаться как можно дальше.

Кристина, родственница Йорана, как обычно показала себя великолепной хозяйкой: ее стараниями служанки быстро накрыли стол, а Родрика она поприветствовала так, словно они совсем недавно расстались после очередного музыкального урока. Тот даже как-то растрогался, и на вопрос о детях, заданный уже во время скромного обеда, неожиданно поделился:

– Спасибо вам, госпожа, мне удалось найти свою семью. Как я и думал, они считали, что я мертв, и были несказанно рады моему возвращению. У меня родился второй сын, которого я прежде не видел. Если бы я мог, остался бы с ними и больше никуда не уходил.

– Я очень рада за вас! – воскликнула Кристина. – Но что заставило вас снова уйти от семьи? Эти магические барьеры, знаете ли... Никогда не знаешь, в какой момент жизни вас запрут в захолустье.

Гильем едва не поперхнулся. Диос фыркнул в кубок с вином: он прекрасно понял, что эта колкость адресована только ему. Кристина не упускала случая расквитаться с ним за отъезд Эндары, без которой она страшно скучала.

Родрик помрачнел.

– К сожалению, есть вещи, ради которых приходится жертвовать всем.

– Например?

– Например, будущее моих детей, – Родрик положил приборы на стол и в упор посмотрел на Диоса: – Я передал Гетасу твои слова о Ригете. Он готов встретиться с тобой.

Атмосфера за столом ощутимо накалилась. Но Диос явно ждал такого предложения; он опустил кубок и кивнул.

– Очень кстати. Где?

– Там, куда я тебя отведу. С тобой может пойти только один человек. И... – Родрик помялся. – Я должен подчеркнуть: человек.

Эрнальд и Шету, не сговариваясь, хмыкнули.

– Вот оно что? – прогудел Одер. – Сдал всех до единого, и симарглов, и эвендинов?

– Диос просил рассказать Гетасу все, что я видел, – принялся защищаться Родрик. – Я и рассказал. Тем более о том, что в Предгорье укрываются симарглы и эвендины, знает уже весь Фарадон. О битве в Ишдате не слышали только глухие.

Гильему и Тарду было что сказать по этому поводу, но Диос их остановил. Он и правда просил Родрика рассказать все без утайки.

Обсуждение было молниеносным: Диос безоговорочно принял предложение и даже не попытался изменить место встречи. Темнокрылым это совсем не понравилось. Перебираясь через очередной бурелом, Гильем вспоминал, как они старались переубедить Диоса, подняв из глубин памяти все, что слышали о Гетасе.

Мятежники уже много лет были головной болью и Дориана, и жителей Фарадона. Давным-давно на востоке, у самых гор, существовало королевство Согендор. Когда эвендины захватили Фарадон, Согендор тоже пал – его сделали частью страны и отныне это была одна из ее областей. В эпоху власти эвендинов, как ни странно, все было спокойно – люди в Согендоре ни разу не попытались поднять мятеж и обрести свободу, они мирно трудились на своих захватчиков, добывая горный хрусталь и изготавливая из него разные диковинки.

Проблемы начались после коронации Дориана. Жители Согендора неожиданно захотели независимости. Требование было предельно ясным: поскольку до захвата власти эвендинами Согендор представлял собой отдельное королевство, значит, такого статуса заслуживает и сейчас, тем более что наследник согендорского короля жив и здоровствует.

Дориану, только взошедшему на престол и пытавшемуся наладить контакт с эвендинами и обеспечить обещанное Двуликому мирное сосуществование, было совершенно не до людских распрей, поэтому в Согендор отправилась армия Гениев под предводительством Готтрана. Они быстро навели порядок – оказалось достаточно спалить бывший королевский дворец, где укрывались зачинщики. Выжившие мятежники сбежали и растворились в лесах. Вскоре поползли слухи, что королевскому наследнику удалось спастись, и среди обугленных трупов, найденных в развалинах дворца, его останков нет.

Действительно ли существовал наследник согендорского короля и был ли он предводителем мятежников, никто точно не знал. Главарь называл себя Гетасом и время от времени напоминал о своем существовании дерзкими вылазками. Его целью были прямые подчиненные Дориана, простых жителей его люди обычно не трогали, если те не вставали у них на пути. Долгие годы, если разграбили владение лорда, если напали на королевского посланника, если

в лесу устроили засаду для Гениев – не нужно было долго гадать, чьих рук это дело. Лишь в последнее время у Гетаса появились конкуренты: Орден Темнокрылых.

Но, несмотря на то, что Темнокрылые волей-неволей тоже шли против короля, сотрудничать с Гетасом им бы и в голову не пришло, если бы не Диос. Цельность Фарадона для всех была неоспоримой, и некто, жаждущий оторвать от него часть и сделать ее отдельным королевством, представлялся если не полностью безумным, то по крайней мере опасным. Гильем не раз и не два сам сталкивался с мятежниками: одно время они пытались пробраться в Предгорье, и Йоран вел против них безжалостную войну.

Лес уже давно превратился в сплошное сплетение ветвей, ни о каких тропах не было и речи, и Гильем поражался, как ловко Родрик умудрялся проводить их за собой по одному ему ведомому пути. С одной стороны, было вполне логично, что никто не может поймать мятежников из-за того, что они прекрасно ориентируются в лесах. С другой, если встреча с ними в принципе не сулила ничего хорошего, то в такой чащобе – тем более.

Тишина, разрушаемая лишь шорохом листьев, вдруг показалась Гильему невыносимо тревожной, и он сжал рукоять меча. Чутье не подвело: всего несколько шагов – и они вышли на крошечную прогалину. Там, прислонившись к дереву и скрестив руки на груди, стоял рослый широкоплечий человек с копной волнистых светло-русых волос.

– Ну, здравствуй, Диос, – сказал он.

– Здравствуй, – ответил Диос так запросто, словно они встретились посреди людной улицы.

Гильем во все глаза смотрел на человека. Это и есть Гетас? На поясе у него были ножны с мечом, но он и не думал братья за оружие – небрежная поза выдавала спокойствие. Однако Гильем был уверен, что на самом деле их окружает не меньше десятка человек. Это доказывал и напряженный Родрик: судя по его виду, он опасался, что вот-вот грянет битва.

Человек смерил внимательным взглядом сначала Диоса, затем Гильема. Улыбка казалась миролюбивой, но Гильем многое повидал и нутром чувствовал: она в мгновение ока может превратиться в кровожадную гримасу.

– Гетас, к вашим услугам. Можете не представляться, наслышан о вас обоих. Извините за такое место встречи, – он повел рукой, – но, думается, мы все заинтересованы в том, чтобы наш разговор остался тайной. Если не возражаете, перейдем сразу к делу... Родрик сказал, что у тебя, – Гетас кивнул Диосу, – сообщение от Ригета. Я готов выслушать.

И Гильем, и Родрик наострили уши. Что это за сообщение, никто не знал, как и то, кем был этот загадочный Ригет.

– Их два, – сказал Диос. – Первое: удивительно, что ты изменил своему слову. Ты ведь говорил, что хрусталь надежнее магии.

Гетас слегка напрягся. Гильем и Родрик переводили недоуменные взгляды с него на Диоса.

– Ладно. А второе?

– Второе. – Диос прикрыл глаза и ровно проговорил: – Пора сдержать обещание.

– Обещание? – Гетас нахмурился. – Какое еще обещание?

– Данное у реки.

Гетас некоторое время раздумывал. Гильем внимательно наблюдал за ним. То ему казалось, что Гетас понятия не имеет, о чем речь, и пытается не показать этого, то, напротив, что он все понимает и просто не знает, как лучше ответить.

– И чего же ты хочешь? – наконец спросил он.

– Хочу остановить войну. Виновник нынешних бед – Готтран, а не Дориан.

– Однако же королю нет никакого дела до того, что творит его советник.

– Я намерен его образумить.

– Вот как! – Гетас усмехнулся. – И каким же это, интересно знать, образом? До меня не так давно дошли слухи, что Йоран, в которого ильфит вселился, отправился в королевский замок и там пытался рассказать Дориану, что творится в Предгорье. Однако Дориан, судя по всему, его не послушал. Полагаю, ты что-то об этом знаешь?

– Что он может об этом знать? – огрызнулся Гильем. – Он же не Йоран.

– Не считай меня дураком. Я прекрасно знаю, что Йорана убили ильфиты. А еще я знаю, что с тех пор в Предгорье поселился как минимум один эвендин. С помощью умозрительной магии ничего не стоит изобразить облик кого угодно.

Гильем покрепче сжал рукоять меча. Родрик не знал об умозрительной магии – никто не знал, кроме Темнокрылых. И Гильем еще ни разу не встречал человека, который был бы так хорошо осведомлен о возможностях эвендинов. Но, быть может, Гетас вырвал признание у кого-нибудь из тех людей Готтрانا, что догадались о Юсте.

Гетас заметил его нервозность и снова ухмыльнулся – на этот раз шире.

– Все так, – сказал Диос, ничуть не смущенный этим разоблачением. – Но сейчас у нас есть козырь. Дориан узнает о славных делах Готтрانا из надежного источника и просто не сможет отмахнуться.

– Предположим, это подействует, и Дориан бросит Готтрانا в темницу. Мне-то что с этого? Меня не волнует Готтран. Он – лишь помеха на моем пути. Мне нужен Согендор. Дориан не захотел давать мне независимость тогда – не захочет и теперь.

– Если не станет Готтрانا, вопрос будет решен мирно, – возразил Диос.

– С чего бы? В прошлый раз он не захотел решать его мирно, а отправил Гениев спалить мой дворец.

– Твой дворец?! – взорвался Гильем. – Да будь ты хоть тысячу раз наследником последнего короля, с тех прошла не одна сотня лет! Этот твой дворец – резиденция эвендина, который правил Согендором!

– Перестань, Гильем, – одернул его Диос.

– Пусть так, солдат Йорана, – Гетас посмотрел на Гильема взглядом, в котором таилась угроза. – Но это ничего не меняет. Повторяю: меня не волнует Готтран. Мне нужен Согендор. Не область Фарадона, а мое королевство, независимое от Дориана. Двумикий пришел восстановить справедливость – отдать Фарадон людям. Дориана сделала королем Регина – наследница последнего короля. Почему бы тогда Двумикому не восстановить и мою справедливость? Почему не вернуть Согендор наследнику?

Гильем не унимался:

– Может, раздробим Фарадон на деревни, как было сотни лет назад, раз уж хочешь вернуться к истокам? Ты несешь бред.

– Подожди, Гильем, – снова остановил его Диос. – Вы оба правы. По-своему. – Он посмотрел Гетасу в глаза. – Лучшее, что можно сделать – решить этот вопрос мирно. Возможно, действительно будет лучше вернуть Согендор наследнику. Но мы не можем это обсуждать, пока Готтран одержим мыслью вырезать всех до единого, кто ему не угоден. В том числе и мятежников.

– Зачем это обсуждать? – Гетас пожал плечами. – У меня два варианта: помочь тебе справиться с Готтраном и уповать на милость Дориана или сразу же убить Дориана. По-моему, выбор очевиден.

– Надеешься, что Готтран в таком случае отдаст тебе Согендор? – хмыкнул Гильем. – Ты же понимаешь, что если Дориан умрет, Готтран сразу захватит престол?

– Если я убью Дориана, королем всего Фарадона стану я. Даже не сомневайся.

У Гильема перехватило дыхание от такой наглости. Диос впервые за все время разговора нахмурился; его лицо посуровело.

– Ты не убьешь Дориана, Гетас, и я уверен, что ты это знаешь. Хотя бы потому, что если бы ты мог, то давно бы это сделал. Я не могу обещать тебе Согендор, но обещаю, что...

Конец его фразы оборвал истошный крик. Все до единого вздрогнули от неожиданности; Гильем по привычке схватился было за меч, но в таком тесном пространстве от него было мало толку.

Тонкая белая рука протиснулась между ветвей и тронула Гетаса за локоть. Следом на прогалине появился невысокий молодой человек с темно-рыжими волосами, забранными в хвост.

– Ильфит, – сказал он.

– И здесь? Проклятье.

Они с Гетасом бросились вперед, ломая ветви кустов и деревьев. Диос, Гильем и Родрик, не стовариваясь, устремились за ними.

– У вас что, тоже есть поводы беспокоиться? – бросил, не оборачиваясь, Гетас. – Вы должны были прийти одни.

– Вы, по идее, тоже, но никто на это не надеялся, – ответил Гильем.

Долго бежать не пришлось: всего через несколько метров они наткнулись на человека, навзничь лежащего на земле. Трава под ним была окрашена кровью. За ближайшими деревьями маячила темная фигура, очертания которой слегка расплывались, из-за чего она казалась сотканной из дыма.

– Всем назад! – крикнул Гетас, и было понятно: он обращается не к тем, кто находится рядом с ним.

Шорохи со всех сторон засвидетельствовали, что его услышали, однако почти тут же раздался глухой стон – он доносился со стороны ильфита, который стал исчезать в чаще.

Гетас бросился за ним.

– Он спятил? – прошипел Гильем. – Это же очевидная ловушка.

– Скорее всего, но какие у него варианты? – скороговоркой проговорил Диос и двинулся следом.

Гильем выругался, однако без раздумий присоединился к нему.

Гетас ломал все на своем пути, поэтому они достаточно быстро его нагнали. Гильем приготовился применить магию – сразаться против ильфита голыми руками бесполезно. Лучше всего ему удавалось использовать огонь, но поскольку в лесу это было бы как минимум неразумно, он сделал выбор в пользу ветра – и то если Диос его не опередит. Гильем вытянул руку вперед, собрался – магия до сих пор, спустя месяцы тренировок, требовала от него мучительной сосредоточенности, – и так и замер.

Они пришли как раз вовремя, чтобы увидеть, как Гетас заносит свой меч, опускает его – и лезвие, разделившее ильфита надвое, вспыхивает ослепительным синим светом. С глухим звуком, напоминающим одновременно и стон, и порыв ветра, пронесшийся между скал, ильфит распался на множество черных точек, которые затем растворились в воздухе.

Гильем быстро переглянулся с Диосом. Им обоим было прекрасно известно: заговоренное оружие так не работает.

Гетас был Гением. И даже скудных познаний Гильема хватило, чтобы понять – он крайне необычно пользуется магией. Видеть подобного ему еще не приходилось.

Не обращая на них внимания, Гетас двинулся дальше. Гильем оглянулся, услышав за спиной шорох, но это был всего лишь давешний рыжий мальчишка.

– Оставайся с ребятами, Орес, – бросил Гетас через плечо.

Гильем и Диос снова пошли за ним. Слабый голос, который они слышали раньше, раздался снова. Воздух вокруг вдруг стал прозрачным, звенящим, и наполнился запахом гнили.

Гильем напрягся до предела. Теперь он был готов использовать даже огонь – и плевать, что будет.

Деревья расступились, а точнее – попросту кончились. Земля была выжжена дотла. На ней лицом вниз лежал человек, а на другом конце пустынной полосы стоял еще один ильфит. Он разительно отличался от первого: невысокий, с четкими очертаниями, острым лицом, синесерой кожей и округлыми фиолетовыми глазами. Лишь волосы казались сотканными из дыма, но куда больше внимания привлекали несколько отростков, торчащих из лба – они напоминали одновременно и обломки ветвей, и поломанные олени рога. В руке он держал не то посох, не то копьё.

Гильем шумно сглотнул. Он впервые воочию видел инцария. Это были самые могущественные ильфиты, и встреча с одним из них для Юста, которого Гильем считал после Диоса сильнейшим из всех Темнокрылых – разумеется, в строгой тайне от самого Юста, – лишь чудом не закончилась трагедией.

Гетас сделал несколько шагов вперед, наклонился к лежащему на земле человеку и перевернул его. От лица мало что осталось: кожа висела клочьями, сквозь кровавое месиво белели кости черепа.

– Думаешь, можешь тут шляться и убивать моих людей? – спросил Гетас пугающе спокойным тоном и выпрямился во весь рост.

– Эй. Это инцарий, – выдавил из себя Гильем, уверенный, что Гетас понятия не имеет, с кем столкнулся.

Однако тот даже не обернулся.

– Без тебя вижу. – Гетас поднял меч и направил его острие на инцария.

Тот как будто не слышал их перепалки. Его фиолетовые глаза равнодушно скользнули по Гильему, задержались на Диосе и наконец снова устремились на Гетаса. Инцарий медленно, словно нехотя, поднял свободную руку, направив ее на людей.

Диос сорвался с места и бросился вперед, однако Гетас его опередил. Его меч со свистом рассек воздух; инцарий внезапно исчез и появился в шаге от Диоса. Глаза Гильема не смогли в точности уловить, что произошло потом. Диос не был вооружен, но явно применил какую-то магию – Гильем почувствовал мощный, опаляющий порыв ветра, настолько сильный, что его впечатало в ствол ближайшего дерева.

Следующее, что он увидел, чувствуя в сердце ледящий холод, – как Диос и инцарий стоят почти вплотную, лицом к лицу.

Инцарий держал Диоса за запястье. Можно было подумать, что он перехватил его руку, когда тот пытался нанести удар.

Время словно остановилось. Сцена была пугающей и странной: воздух продолжал казаться чрезмерно разреженным, инцарий, ростом едва достающий Диосу до плеча, железной хваткой держал его руку, а сам Диос смотрел ему в глаза и не делал ни одной попытки вырваться. Его лицо не выражало страха, но взгляд говорил о том, что он совершенно не ожидал такого развития событий.

Краем глаза Гильем уловил движение – Гетас знаком дал ему недвусмысленное указание напасть на инцария, что собирался сделать и сам. В любой другой ситуации Гильем ответил бы ему непристойным жестом, но сейчас решил подчиниться – глупо было просто стоять в такой ситуации.

Они с Гетасом подскочили к инцарию одновременно, с разных сторон. Гетас попытался достать его мечом, Гильем, предусмотрительно сохраняя дистанцию, ударил огнем – с его пальцев сорвались всполохи пламени, которые сплелись в небольшой шар в нескольких сантиметрах от намеченной цели.

Инцарий снова исчез. Гетас, выругавшись, едва увернулся от пламени Гильема, которое Диос чудом успел направить в землю. Они закрутили головами, но на этот раз ильфит не спешил появляться снова. Вместо него на прогалину выплыли черные дымчатые фигуры напоподоб-

бие той, что встретила им раньше. Их было много, но никому и в голову не пришло попытаться сосчитать их, все сразу ринулись в бой.

– Ты как? – крикнул Гильем Диосу, на всякий случай прикрывая его со спины.

– Прекрасно, а ты? – Диос одним махом уложил сразу трех ильфитов – просто взмахнул рукой, от его пальцев потянулась иссиня-черная полоса, которая взрезала нападавших, едва они ее коснулись.

Гетас тем временем орудовал мечом – тот по-прежнему полыхал ярким светом при каждом ударе, и если он попадал в цель, ильфит сразу распадался на множество чернильных точек. Гетас пытался пробраться обратно в чашу, и нетрудно было догадаться, зачем – ведь совсем неподалеку находились Родрик и Орес. Диос и Гильем, не переставая уничтожать ильфитов, устремились за ним. Им тоже было за кого беспокоиться.

– Вы-то куда? – крикнул Гетас.

– Туда же, куда и ты, – откликнулся Гильем, тяжело дыша. Гением он стал совсем недавно, и беспорядочные атаки по ильфитам успели порядком его измотать. – Чем болтать, лучше возьми на себя тех двоих, мы прикроем.

Гетас неопределенно хмыкнул, искоса глянул на Диоса, но последовал его совету. Презрев опасность, которая грозила ему с обеих сторон, он бросился вперед, одного ильфита ударил мечом, другого голой рукой – она прошла сквозь темное тело, полыхнула слабая вспышка, и ильфит как будто взорвался изнутри.

Диос и Гильем в это время не дали другим напасть на Гетаса. Силы у Гильема и правда сдали, но Диос, разобравшись со своим противником, подоспел на помощь и испепелил еще двух – Гильем не понял, как это произошло, не было ни движения, ни света, Диос просто в один прыжок оказался перед ильфитами, и в следующий момент они сгорели.

Путь очистился, все трое побежали вперед. Дурные предчувствия не обманули: двое ильфитов пытались добраться до Родрика, Ореса и их раненого товарища. Диос, Гильем и Гетас успели увидеть, как Орес пронзает одного из них мечом – оружие явно было заговоренным, потому что ильфит хотя и не сразу, но начал таять в воздухе. Другой в этот момент перешел в наступление: размытая черная фигура замахнулась копьем, и было понятно – никто из них не успеет его остановить.

Спасение подоспело неожиданно: откуда-то сверху слетел черноволосый парнишка и ударил ильфита в голову сгустком опалового пламени. Ильфит исчез. Шету, а это был именно он, легко приземлился на ноги и с недовольным видом отряхнул руки.

– Так, – голос у Гетаса по какой-то причине опустился на полтона. – Значит, привели эвендина? Наглости вам не занимать.

– Не приводили, он сам пошел, – проворчал Гильем.

– Ладно, – Гетас шумно втянул носом воздух. – С кем имею честь?

– Шету, – коротко представился посланник Архелы.

– Гетас, польщен знакомством. Шету, если у тебя есть навыки исцеления, я прошу тебя помочь нашему товарищу. Мы уже потеряли одного и не хотим терять второго. Взамен проси что угодно.

– Взамен сможешь нам в одном деле, – кивнул Шету, словно изо дня в день только и занимался, что договорами ради собственной выгоды.

Они взяли раненого и отошли подальше, опасаясь, что инцарий или другие ильфиты могут вернуться. Но лес был тих – до той поры, как Гетас вывел их на довольно большую стоянку, где расположились с десятков человек, вооруженных до зубов.

– И ты нам что-то говорил про эвендина? – возмутился Гильем.

Гетас лишь ухмыльнулся.

Родрик положил раненого на землю. У него оказалось несколько глубоких ран и он потерял много крови, но, судя по сосредоточенному лицу Шету, не все было потеряно. Под его

руководством Родрик быстро промыл раны и наложил повязки, а там, где кровь никак не желала останавливаться, Шету легонько клал свою руку, и кровотечение прекращалось.

– Почему Юст так не делал? – полюбопытствовал Гильем – они с Диосом сели в стороне, поодаль ото всех.

– Не у всех есть целительные навыки. У Адаллы есть, у Юста нет. Для их освоения нужна предрасположенность.

– Понятно. Но откуда этот Гетас об этом знает? Как сразу опознал Шету? Понятно, что по опаловому пламени, – нетерпеливо добавил он, – но согласись, знает он подозрительно много, магия у него странная, и вообще... Когда ты в последний раз видел, чтобы к эвендину обращались с таким уважением? Мы с Юстом и Эндарой, понятно, не в счет.

Диос усмехнулся. Перебранки Юста и Гильема почти не прекращались, и забавно было слышать о таком своеобразном уважении к эвендину с его стороны.

– Гетас и правда необычный человек, – сказал он вслух.

– И ты мне о нем, конечно, не расскажешь.

– Не могу – речь ведь не о моих тайнах.

– Так и думал, – Гильем вздохнул. – Но хоть про сообщение Ригета скажешь? Про магию я понял, а вот что за обещание?

– Ригет когда-то подначил Гетаса пообещать, что он поможет Предвечным, если они его попросят.

– Недурно, – хмыкнул Гильем. – Ладно, а что ты? Что тебе сделал инцарий? Почему он в тебя вцепился?

– Не знаю, – Диос сжал и разжал руку. На ней не осталось никаких видимых следов прикосновения инцария. – Мне казалось, что он применяет какую-то магию, но в то же время я ничего не чувствовал. Пытался нейтрализовать, но тяжело нейтрализовать то, что ощущаешь лишь смутно. Может, он пытался воздействовать на мое сознание.

– Хочется думать, что у него это не получилось, – раздался голос за их спинами. Гетас подошел и присел рядом. – Ну, и каково это, когда тебя держит инцарий?

Диос недолго думал над ответом:

– Как будто тебя держит смерть.

Он не преувеличивал. Хотя внешне инцарии выглядели не так уж и страшно, их суть поневоле вызывала отвращение и ужас. Казалось, это воплощение чистой ненависти, сметающей все на своем пути.

– Никогда не видел, чтобы они по-настоящему кого-то касались. Обычно воздействуют с расстояния. Но ладно. – Гетас дождался, когда к ним подойдет Шету, и спросил непосредственно у него: – Итак, что вы хотите?

– Доставить Дориану важное письмо. Как ты понимаешь, отправлять птицу не вариант, ее перехватят – Готтран заблокировал Предгорье со всех сторон. Но вы отлично знаете леса и у вас достаточно людей, чтобы отвлечь Гениев и позволить нам выйти на дорогу в Эрбелу.

– Хм-м, – Гетас задумчиво почесал щеку. – Вы же понимаете, что есть вариант куда проще? Отправить с письмом постороннего человека. У нас есть связи в ближайших селениях, можем передать им, а они, в свою очередь, доставят Дориану.

– Это действительно легче, – согласился Шету. – Но мне приказано передать из рук в руки.

– Письмо от магистра? – насторожился Гетас. Шету кивнул, и он не стал продолжать настаивать на передаче письма через своего человека. – Ладно, в такой аванюре я бы, пожалуй, поучаствовал и если бы не был в долгу. Мне понадобится немного времени, чтобы собрать нужных людей. Сообща мы решим, каким путем нам лучше идти. Потом обсудим с вами план.

Он встал, направился к остальным мятежникам и принялся отдавать распоряжения.

– Между прочим, – сказал Гильем, – мог бы потребовать встать на нашу сторону, а не помогать конкретно с письмом.

– Вот когда оставишь его в долгу, тогда и предлагай, – ответил Шету. – Моя первостепенная задача – доставить письмо.

– И все-таки он подозрительно много о вас знает. Как он догадался, что письмо от магистра?

– Ну, во-первых, догадаться не так сложно: письмо для короля, из рук в руки... – Шету посмотрел на Гетаса, который присел рядом с раненым товарищем. – Во-вторых, мне кажется, я кое-что слышал об этом человеке. Несколько эвендинов из Согендора рассказывали о нем.

– Что рассказывали? – весь подобрался Гильем. – И почему ты не сказал раньше?

– Имени я не знал, но то, как он себя ведет и какими силами обладает, заставляет меня думать, что речь шла о нем. Если коротко, раньше он служил эвендинам. И дослужился до того, что когда власть захватили люди, один из эвендинов отдал ему свою кровь. Добровольно. – Шету поморщился, явно не представляя, как можно пойти на такое. – Приходится признать, не зря: эти эвендины из Согендора, от которых я все узнал, сумели сбежать на Тоа-Дин только благодаря ему.

– Это правда так? – Гильем повернулся к Диосу.

– Ну, в целом да.

– С ума сойти, – Гильем приложил руку ко лбу.

Шету понимающе кивнул. Чтобы, пока люди резали эвендинов, один из них решил добровольно отдать свою кровь человеку, да еще слуге? Чтобы этот слуга вместо того, чтобы воспользоваться моментом, побежал спасать эвендинов? Напоминало нелепую сказку, в которую не поверит и малый ребенок.

И Шету, и Гильем теперь смотрели на Гетаса, расхаживающего между своих людей, еще более пристальными и подозрительными взглядами. Им безумно захотелось узнать, что за чертовщина произошла в Согендоре много лет назад.

Диос не обращал на них внимания. Он слушал их вполуха и с трудом улавливал смысл разговора. Его мысли были заняты совсем другим.

Когда инцарий схватил его, определенно что-то произошло. Это что-то походило на магию, однако все-таки не было ей в полной мере. Никакой боли, никакого вторжения в разум. Просто странное, зыбкое ощущение, что внутри закопошилось нечто темное. Как если бы инцарий оставил в нем частичку себя.

– Вы готовы? – окликнул их Гетас. – Нужно пройти до другой стоянки.

Диос поймал на себе озадаченный взгляд Гильема, тряхнул головой и решительно поднялся на ноги.

У него не было ни желания, ни права пустить все под откос из-за смутного подозрения, что инцарии снова что-то задумали.

Глава 4

Алирия так низко склонилась над столом, что выбившиеся пряди светлых волос коснулись пожелтевших страниц старой книги. От знаков эвендинского языка давно рябило в глазах, разум отчаянно сопротивлялся усталости. Каждые четверть часа Алирия норовила уснуть, но вовремя встряхивалась, выпрямлялась и усилием воли заставляла себя продолжать чтение.

С самого детства, с тех пор, как научилась читать, она часами просиживала за книгами и наслаждалась ими, даже если написанное оказывалось крайне сложным, а смысл ускользал. Но теперь читалось с трудом. Уже какой день она находилась в полутьме комнаты, добросовестно выполняя приказ Готтрانا – попытаться понять, что произошло в Ишдате, и вернуть зрение Ирмиэлю, Гению и одному из приближенных Готтрانا. Проблема была не в сложности задачи, а в невозможности ее выполнения. Алирия наверняка знала – ее усилия бесполезны. Она пробовала донести это до Готтрана, но с тем же успехом могла говорить с каменной стеной. Королевский советник попросту не желал ее слушать.

Подобные происшествия были описаны лишь в древних легендах о карах Предвечных. Тайновидец Орталиа, пришедший сразу после того, как все до единого жители Ишдата ослепли, подтвердил эту единственную версию и четко передал волю Предвечных: те, на ком нет вины, прозреют, когда войдут в реку Ишдану. Так и случилось – зрение вернулось ко всем, кроме Ирмиэля и служанки Готтрана, Лирди. Из всех, непосредственно причастных к похищению эвендина, в городе находились только они. Из слов Орталии выходило, что пытаться вернуть им зрение бесполезно. Можно было разве что посоветовать Ирмиэлю молить Предвечных о прощении, однако он бился в бессилии, отчаянии и злобе, и любой намек на то, что он сам виноват в произошедшем – с себя Алирия вины не снимала и подчеркивала, что ей просто повезло, – приводил его в ярость. Какие уж тут молитвы.

Но дело было не только в сознании, что книги тут не помогут. Произошедшее в Ишдате напугало Алирию, и ей не хотелось идти против воли Предвечных. Кто знает, когда их гнев вспыхнет снова. Он был понятен всем, кроме Ирмиэля и Готтрана: одно дело убивать эвендинов, если они угрожают существованию и жизни, и совсем другое – обманом выманить мирную девушку, раскрыть ей голову и увезти подальше, чтобы выкачать из нее кровь. И ради чего? Чтобы королевский советник стал еще сильнее.

Эти мысли тревожили Алирию давно и не слишком явно, но усталость делала их сильнее. Перед глазами всплывало бледное, почти серое лицо, светлые выющиеся волосы, испачканные кровью, порванное платье. Из всех сил Алирия пыталась обезличить ее, называла про себя не иначе как «она», «эвендин», однако в голове то и дело вспыхивало имя: Эндара. И к горлу подкатывала тошнота.

Умерла ли она? Наверняка. Но зачем тогда Темнокрылые забрали ее тело? Крови в нем уже не было.

Стук в дверь заставил Алирию вздрогнуть и выпрямиться. Не похоже на прислугу, пришедшую с какой-нибудь ерундой вроде ужина.

– Войдите, – настороженно ответила она.

Дверь приоткрылась. Алирия напряглась еще сильнее, но в следующий момент выдохнула и спешно поправила волосы.

– Осберт, – сказала она. – Давно не виделись.

В отличие от нее, Осберт не был занят бесполезной работой в замке и разъезжал по всему Себлиру с поручениями Готтрана. Алирия считала, что это просто нечестно, но злилась почему-то не на Осберта, а на Готтрана – ситуация, каких-то пару месяцев назад для нее совершенно невыносимая.

Осберт смущенно кашлянул. Алирия быстро опустила глаза, но он успел заметить, как они покраснели. Вид у девушки, против обыкновения, был слегка неряшливый, и она в кои-то веки выглядела смущенной. Осберту это понравилось, как ни пытался он это отрицать перед самим собой.

– Да, пожалуй, – сказал он. – Как продвигается дело?

– Как оно может продвигаться? Ты знаешь мое мнение.

В самом начале, столкнувшись с непробиваемостью Готтрана, Алирия презрела свою гордость и попросила Осберта донести до советника суть проблемы. Он честно попытался и так же честно поделился: когда Готтран в таком состоянии, вразумить его бесполезно, не слушает и самих Предвечных.

– Ты так запросто читаешь по-эвендински? – удивился Осберт, подойдя к столу.

– Да. Это Книга о Мире. Пытаюсь узнать хоть что-то, чего не знала раньше.

– Не знал, что есть ее эвендинская версия. И как?

– Нашла пару необычных версий легенд, но это все. – Алирия почувствовала себя жалкой и мигом посуровела: – Зачем явился? Надо доложить, как выполняется приказ?

Осберт с трудом подавил дразнящее желание потребовать от нее сменить тон, если она хочет услышать хорошие новости.

– Не так давно несколько человек здесь, в Ишдате, разнесли интересный слух. Мы сначала не обратили внимания, но потом решили выяснить, что к чему... Ну и выяснили.

– Выяснили что?

– Помнишь, градоначальник объяснял нам, что жителей стало гораздо меньше, потому что они ушли в Предгорье? Оказывается, они были свято уверены: в Ишдат пришел... – Осберт выдержал паузу – и сам не понял, для должного эффекта или потому, что на мгновение сдалось горло. – В Ишдат пришел Двуликий.

– Что? – Алирия подняла на него недоуменный взгляд.

– Я так же отреагировал. По их версии, этот Диос и есть Двуликий.

– Но это бред.

– Бред чистой воды, – согласился Осберт. – С другой стороны, что они видели, то есть, что пережили? Невероятную и непонятную магию. Кто-то объяснил это так, и они настолько в это поверили, что пошли за этим Диосом. У них получается следующее: он пришел, разгневался на жителей за грехи, и все ослепли. Но потом смилостивился, и Предвечные позволили им прозреть.

– Ничего глупее в жизни не слышала, – Алирия поморщилась. – Но они ведь так и остались в Предгорье, не разуверились. Получается, вольно или невольно, Диос выдает себя за Двуликого?

– Сложно сказать, мы же не знаем, что там происходит. Но Готтран решил выяснить, этот Диос... Ты же знаешь, он и раньше его, – Осберт опустил слово «бесил», – ну, интересовал. Где Йоран его взял, что за магией он обладает и так далее. В том числе по этому поводу я был в Занте, там у Готтрана обитает кладезь информации, этот Тугарт.

– Так-так... И что?

– У него есть кое-что интересное, и он послал со мной человека, чтобы обсудить это лично с Готтраном. Сама знаешь, он не хочет явно иметь дел с Тугартом. Сейчас этот парень ужинает, после состоится беседа... И ты приглашена. – Осберт с удовольствием заметил, как вспыхнули глаза Алирии после этих слов, хотя она и попыталась это скрыть. – Я напомнил, что ты пыталась разобраться в магии, которую применяет Диос, и потому тебе стоит поучаствовать.

– Что ж, – Алирия встала и отвернулась. – Тогда извини, мне надо подготовиться.

Другой реакции от этой заносчивой девчонки Осберт и не ожидал. Он уже открыл дверь, когда она снова окликнула его.

– Осберт... Спасибо.

Пораженный до глубины души этим простым словом, Осберт даже не нашелся, что ответить. Только кивнул, не слишком уверенный, что она это увидела, и быстро вышел из комнаты.

Готтран принял их в одном из малых залов замка, недвусмысленно намекающим: они собрались по серьезному делу, и рассиживаться впустую советник не намерен. Он сидел во главе прямоугольного стола, по его правую руку устроился Осберт. Алирии и посланнику Тугарта достались места поодаль.

Алирия успела привести себя в порядок – волосы расчесаны и уложены, лицо свежее, даже легкая краснота глаз особо не была заметна. И не подумаешь, что сидела взаперти много дней, – подумал Осберт. Да, она выглядела великолепно, чего нельзя было сказать о нем и посланнике Тугарта – дорога немало их потрепала, они попали под сильный дождь с грозой и были вынуждены общими усилиями вытаскивать лошадей из грязи. Одежду, конечно, сменили, но бодрости вида им это не прибавило.

И все же Серт, высокий, лет тридцати, с волнистыми темными волосами и томными зелеными глазами, держался с достоинством. Его явно не смущал мрачный вид Готтрана; он спокойно сделал глоток вина – единственное, что было предложено, – отставил кубок в сторону и заговорил:

– Я начну, если не возражаете? Уважаемый Осберт дал понять, что вас, господин Готтран, интересуется человек по имени Диос из людей Йорана. Так случилось, что он интересен и господину Тугарту.

– Было бы странно, если бы хоть кто-то им не заинтересовался после того, что случилось, – заметил Осберт.

– Воистину. Но на самом деле внимание господина Тугарта он привлек еще раньше. Хотя и не в такой степени, как после беды Ишдата.

– Выкладывай все, – коротко велел Готтран.

– За этим я здесь. Мой господин предпочитает быть в курсе событий, и поэтому когда поползли слухи, тогда еще призрачные, о появлении некоего Ордена, он попытался выяснить, что к чему и кто взял на себя дерзость пойти против Его Величества. Тогда всплыл тот, кого мы сейчас знаем под именем Диоса. К тому времени все говорило о том, что сам он – солдат лорда Йорана, и тут выяснилась первая странность... Человек моего господина был знаком с одним из солдат. Тот сразу же заявил, что среди людей лорда Йорана никогда не было никого похожего. Кроме того, известно, что Йоран не терпит Гениев, а Диос, вне всякого сомнения, является таковым. К сожалению, тогда мы не присмотрелись внимательнее... Последнее, что мы слышали от того солдата – что в Предгорье творится нечто странное, а самого лорда Йорана давно никто не видел. После наш информатор пропал, а путь в Предгорье закрыл магический барьер.

– После Йоран был в Эрбеле, – напомнил Осберт. – Диос был в его свите.

– Все так. Повторюсь, тогда интерес моего господина был не слишком пристальным... Но после Ишдата все изменилось, и господин Тугарт поручил мне выяснить о Диосе все возможное. Полагаю, вы уже знаете, что некоторые считают его посланником Предвечных?

– Да, – рыкнул Готтран. – Большой чуши в жизни не слышал.

– Как и мы все, – кивнул Серт. – Но это дает нам понять, что мы столкнулись либо с весьма умным противником, либо с сумасшедшим, и в любом случае опасным. Давайте начнем с того, что Диос – совершенно точно не его имя. Скажите, вам не приходилось сталкиваться с этим именем раньше? Допускаю, что нет, но...

Страницы книги, оставленной на столе в ее комнате, вспыхнули в памяти Алирии четкими строками. После ухода Осберта она еще раз скользнула по ним взглядом. Диос – гласили знаки эвендинского языка. Алирию это не слишком удивило – мало ли на свете имен, тем более что среди человеческих и эвендинских было немало похожих: у их языков был общий предок.

– Я видела его в эвендинской книге, – сказала Алирия. – Но не успела изучить подробности.

– И не стоит, госпожа, я изложу вам их прямо сейчас. Слово «диос» в праязыке означает двойственность – природы, намерений, чего угодно. Оно упоминается в некоторых древних книгах, но не как имя. Обычно им описывают Двуликого. Однако ныне среди эвендинов ходит одна любопытная легенда. Согласно ей, о пришествии Двуликого в наш грешный мир они смогут узнать по появлению некоего Диоса. Пустая сказка, о которой обсуждаемый нами человек, несомненно, знал и умело ей воспользовался. Так называемый оруженосец Йорана, Эндара, которую он увез из Эрбелы, магический барьер вокруг Предгорья... Очевидно, что не только впечатлительные глупцы из Ишдата поверили, что Диос – посланник Предвечных. В первую очередь в это поверили эвендины. Что вполне естественно, учитывая их легенду и отчаянное положение.

Готтран грохнул кубок об стол с такой силой, что тот затрясся.

– Вздор. Ни за что не поверю, что эти твари купились на подобную чушь. Если бы они были настолько глупы, то не правили бы людьми столько лет. Уж скорее они сами сочинили эту историю и нашли недоумка на роль Двуликого.

– Вполне возможно, – легко согласился Серт. – Как бы то ни было, его тесное сотрудничество с эвендинами помогает пролить свет на его необычайные способности.

– Не помогает, – возразила Алирия. – Я вижу, к чему вы ведете: якобы эвендины дали ему кровь добровольно и сами обучили его магии. Да, судя по древним книгам, раньше Гении были гораздо сильнее именно потому, что их обучали эвендины, ведь им известно об этом гораздо больше людей. Но нигде нет ни одного упоминания о такого рода магии. Подобное встречается лишь в рассказах...

– О карах Предвечных, – закончил за нее Серт. – Вы совершенно правы, моя госпожа. Но позвольте вас спросить: вы верите, что Диос действительно может оказаться Двуликим?

Алирия оскорбленно фыркнула.

– Разумеется, нет.

– И я не верю. Пока у меня нет объяснения, как именно его магия могла достичь такого уровня. Возможно, он выпил крови больше, чем кто-либо на свете, – говоря это, он благодарно не посмотрел на Готтрана. – Возможно, эвендины оберегают свои секреты и достижения гораздо тщательнее, чем мы думали. Но между двумя версиями, о пришествии Двуликого и о неизвестных ранее способностях Гения, лично я выберу вторую, пусть и без имеющихся доказательств. Вы со мной не согласны?

Возражений ни у кого не нашлось. Серт был прав. Сделать ставку на то, что прямо сейчас они не могут объяснить всего, было гораздо разумнее, чем поверить в бредовую историю о новом явлении посланника Предвечных.

– Значит, надо выяснить больше, – прошипел Готтран. – Будь я проклят, если позволю бродить по Фарадону недоумку, выдающему себя за Двуликого, и ослеплять всех направо и налево.

– Абсолютно с вами согласен, господин. Рад сообщить, что некие зацепки у меня есть. Мой предшественник, ныне, увы, почивший, оставил указание, где следует провести розыск. Он получил его от соратника Диоса. Тому не удалось выяснить о его личности ничего конкретного, кроме этой наводки.

– Погоди-погоди, – насторожился Готтран. – В Ордене Темнокрылых есть ваш человек? Как давно?

– Есть, – Серт низко наклонил голову. – Можно сказать, почти с самого его основания. Скажу снова, мой господин любит быть в курсе событий... К сожалению, я пока не могу сообщить, кто наш человек. Кроме того, сейчас он находится за барьером, связаться с ним нельзя, это вызовет подозрения. Однако в будущем он, несомненно, окажет нам неоценимую помощь.

Готтран едва сдержал досаду. Его раздражало, что пока генерал Рода и прочие отмахивались от Темнокрылых как от ничего не стоящих преступников, какой-то проходимец просчитал все наперед и даже умудрился заслать к ним своего шпиона.

– Ну и что за зацепка?

– Деревушка неподалеку от Эрды, точнее, между Эрдой и Гереадом. Судя по всему, Диос происходит оттуда. С вашего позволения, я переночую здесь, а завтра утром отправлюсь туда.

– Между Эрдой и Гереадом, говоришь? – пробормотал Готтран и нахмурился. – Ладно. Ты, – указал он на Алирию, – поедешь с ним. Все, что выясните, доложишь лично мне.

– Слушаюсь, господин Готтран.

Алирию не слишком удивил приказ. Местность, куда собирался отправиться Серт, была известна несколькими кровавыми историями и необъяснимыми явлениями. Готтран, вероятно, смутно подозревал, что именно там может вскрыться не только тайна происхождения, но и секрет силы Диоса, а значит, ему нужен доверенный человек, прекрасно разбирающийся в магии. Ее саму задание вполне устраивало – все лучше, чем сидеть в комнате, занимаясь розысками, не имеющими никакого смысла.

– А я? – спросил Осберт.

– А что ты? – хмыкнул Готтран. – Останешься здесь. Предгорье само себя не завоеует.

Осберт кивнул, хотя должен был признаться себе: то, что Алирия отправится в долгое путешествие с этим зеленоглазым мальчишкой, ему совершенно не нравится. Но не говорить же об этом, в самом деле, Готтрану.

– Барьер пока все равно не дает пройти, – все-таки сказал он.

– Ничего, долго они там не высидят, – буркнул Готтран, залпом допил вино и дал понять, что встреча окончена.

*

Тем временем Ирмиэль, опираясь о стену, медленно спускался вниз по каменным ступеням. Несмотря на то, что, ослепнув, он стал совершенно беспомощным, любая поддержка выводила его из себя. Иногда он вынужден был сдаваться и полагаться на провожатого, например, если удавалось вытребовать аудиенцию у Готтрана – пройти по запутанным коридорам самостоятельно Ирмиэль больше не мог. Но сейчас, когда он просто решил выйти на улицу и подышать свежим воздухом, о плече провожатого нечего было и думать.

Злость мешалась в Ирмиэле с отчаянием. Ему частенько везло: в совсем юном возрасте он был признан талантливым Гением, его выбрал сам Готтран, советник поручал ему необыкновенно важные задания, все его уважали и даже немного боялись. И вот теперь он ничто. Первое время теплилась надежда, что Алирия поможет вернуть ему зрение, но от этой девчонки не оказалось никакого проку, а Готтран не спешил искать кого-то другого. На встречи он соглашался все реже и реже, и хотя Ирмиэль не мог его видеть, по голосу понимал: советник брезгливо морщится. Ему не нужен был подчиненный-слепец.

За этими горькими мыслями Ирмиэль сбился со счета ступенек и в растерянности остановился. Веяло прохладой. Неужели он пропустил нужный поворот? Похоже на то. Как долго он шел?

Ирмиэль повернулся, поднялся на несколько ступеней вверх, провел рукой по стене, и пальцы ухнули в проем. Он завернул туда, прошел вперед; никакого намека на свежий воздух, пахло сыростью. Попытался вернуться – и не нашел лестницу.

Голова закружилась – больше от эмоций, нежели от каких-то иных причин. Впервые за долгие годы Ирмиэль готов был расплакаться, как маленький ребенок. Он сел на холодный пол, как никогда ощущая свою ничтожность и безысходность будущего. Может, закончить все прямо сейчас? Он все еще мог применять магию, и одежда легко загорится...

– Чего ты хочешь? – послышался вдруг шепот, такой призрачный, что Ирмиэль сперва подумал – это все лишь в его голове.

Но вопрос повторили.

– Кто здесь? – резко спросил Ирмиэль. Ответом было молчание. – Я Ирмиэль, Гений королевской армии, приближенный господина Готтрана! Немедленно представься и отвечай, что ты здесь делаешь.

Снова повеяло холодом и сыростью. Где-то капала вода. Незвестный молчал.

Ирмиэль не знал, сколько прошло времени; в голове все спуталось. Неужели уснул? Держась за стену, он поднялся на ноги.

– Чего ты хочешь?

Холод вокруг стал пронизывающим. Ирмиэлю показалось, что из его приоткрытого рта вырываются облачка пара, словно вдруг настала зима.

И тут он понял. Он вспомнил необыкновенное создание, которое говорило с ним, которое пыталось ему помочь.

«Если уцелеешь, позови меня по имени», – сказала оно.

Долгое время Ирмиэль думал, что разговор пригрезился ему после встречи с симарглами, но не теперь. Это обязано было быть правдой. Хоть кто-то должен ему помочь!

– Ареан, – прохрипел Ирмиэль. – Ареан!

– Это я, – голос как будто стал четче. – Так чего же ты хочешь?

– Зрение. Верни мне зрение!

Произнеся это, Ирмиэль почувствовал, как глаза предательски зажгло от слез. Он удержал их. Так глупо прозвучало его самое отчаянное желание, и все-таки сердце поневоле затрепетало от слабого эха надежды.

– Цена будет высока.

Ирмиэль ожидал чего угодно: ответа, что это невозможно, что он полный дурак и бредит, и перед ним вовсе не всемогущий волшебник, исполняющий желания, а то и вовсе мертвой тишины. Но только не этого.

– Ты говоришь о цене?! Она неважна! Она совершенно не имеет значения! Проси все что угодно, и ты это получишь.

– Ценой станет твоя душа.

Разговаривая с дивной красоты существом, переливающимся отблесками солнечного света, Ирмиэль толком не задумывался, кто это на самом деле. Если не болезненная иллюзия, то, верно, сильф, или некая неизвестная высшая сила, пришедшая на помощь людям – почему бы и нет, они этого заслужили как никто другой: вернули Фарадону былое величие, почти покончили с эвендинами.

Однако теперь в голове Ирмиэля вспыхнула яркая догадка. Ильфит. Сильфов давно никто не видел, но ильфиты встречались. И, если верить преданиям, только от них было можно услышать предложение продать свою душу.

Ирмиэль довольно легко замял смятение и спрятал его подальше. Плевать. Перед ним был тот, кто мог его спасти.

– Забирай, раз так.

Что-то холодное коснулось его руки, вверх по пальцам ниточками льда пополз холод. Ирмиэль чувствовал совсем рядом чье-то присутствие и вскоре уже не мог понять, дрожит ли он от холода или от страха.

Перед глазами плыло – только так Ирмиэль мог объяснить свое состояние, привычное с тех пор, как он ослеп: в темноте блуждали пятна, сливались и разлеплялись, вызывая головокружение. Сейчас они стали ярче.

И вдруг между ними Ирмиэль различил каменную кладку стены. Он зажмурился, не поверив, и снова открыл глаза.

Он находился в мрачном коридоре, явно ведущим в служебные помещения. Его слабо освещал почти погасший факел. Каменные стены были сырыми, в двух шагах стояло оставленное кем-то ведро. Скажи кто-нибудь Ирмиэлю, что этот нехитрый предмет приведет его в полный восторг, и он бы ни за что не поверил, но сейчас, глядя на него, залился радостным смехом.

Глаза видели. Видели!

Ирмиэль жадно осмотрел собственные руки. На указательном пальце появилась тонкая черная линия, похожая на кольцо, в остальном все было в порядке.

Он встряхнулся и завертел головой. Рядом никого не было. Тем лучше, – счел Ирмиэль и понесся вперед. Он быстро понял, где заплутал – спустился ниже, чем следовало, и попал в коридоры, которыми пользовались только слуги. Вылетев из них, он едва не сбил с ног Алирию.

– Эй! – Осберт, шедший рядом, в последний момент удержал ее. Рука отдернулась от ее талии как от огня через доли секунды после того, как он убедился: она не упадет. – Ополумел? – обрушился он на Ирмиэля.

– Отстань! – Ирмиэль оттолкнул его. – Где господин Готтран?

– В малом зале. Только он не больно расположен кого-то принимать. – Осберт с подозрением смерил его пристальным взглядом. Ирмиэль ухмыльнулся в ответ.

– Ты что... Видишь? – первой догадалась Алирия.

Другого объяснения быть не могло: Ирмиэль четко следил за каждым движением Осберта, безошибочно толкнул его, среагировал на его эмоции. Кроме того, его лицо сияло от радости – Алирия уже и забыла, что когда-то он мог улыбаться.

– Именно, – торжествующе произнес Ирмиэль. – И я сообщу об этом господину Готтрану прямо сейчас.

Алирия хотела его задержать и расспросить, но он унесся в направлении малого зала.

– Оставь его, – сказал Осберт. – Одной проблемой меньше.

– Но это странно. – Алирия наморщила лоб. – Никакая магия на него не действовала, кара была озвучена тайновидцем – и вдруг все так просто прошло?

– Это подтверждает версию этого Серта, – нехотя буркнул Осберт. – Просто магия, неизвестная нам.

– А тайновидец?

Осберт пожал плечами.

– Может, Предвечные решили смилостивиться над бедным придурком.

Улыбка слегка тронула губы Алирии. Хотя произошедшее ее встревожило, разбираться не было времени. Следовало как можно скорее начать сборы, чтобы подготовиться к путешествию.

Ирмиэль тем временем добежал до зала, оттолкнул подвернувшегося под руку слугу и забарабанил в двери.

– Ну что еще?! – рявкнул Готтран.

Крик отрезвил Ирмиэля. На радостях он едва не забыл, с кем имеет дело. Готтран в любом случае не испытает схожих чувств – в лучшем случае просто вернет ему прежние полномочия.

Он осторожно приоткрыл двери. Готтран скривился, и запоздало Ирмиэль понял еще одну важную вещь: после прогулки по сырому коридору вид у него был совсем не презентабельный – одежда мягкая и кое-где грязная.

– Прошу прощения, господин Готтран, – скороговоркой проговорил Ирмиэль. – Но ко мне вернулось зрение, и я очень спешил сообщить о том, что снова могу быть в вашем распоряжении.

– Да? – Готтран с сомнением посмотрел на него и вдруг замахнулся пустым кубком. Ирмиэль дернулся в сторону. – Хм, действительно, вернулось, – сделал вывод советник. – Каким образом?

Ирмиэль открыл рот с намерением рассказать правду, но, к своему собственному удивлению, сказал совсем не то, что собирался:

– Не имею понятия, просто вдруг снова стал видеть. Возможно, у заклинания был срок, и теперь оно развеялось.

– Неужели? – Готтран недобро сощурился. – Надеюсь, ты поглупел от слепоты, а не держишь меня за идиота. Сроки годности есть разве что у печатей, и те длятся сотни лет, если не тысячи, но никак не у заклинаний.

Раньше Ирмиэль съежился бы от ужаса – во всяком случае, внутренне. Теперь же почему-то страха не было, но разум подсказал, что лучше бы его изобразить.

– Что вы, господин Готтран, конечно, я не держу вас за... То есть, я так не считаю... Просто Алирия говорила, что нигде нет примера подобной магии... И я грешным делом подумал, что все возможно. Раз мы не знаем.

Нечто подобное говорил Серт, и Готтран как раз размышлял над его словами, когда вошел Ирмиэль.

– Предположим, – сказал он. – В таком случае, та девчонка, служанка, тоже должна была прозреть. Проверь ее.

– Лирди? – вскинул голову Ирмиэль. Он совсем забыл о ней. – Она что, здесь?

– Да. Алирия, прежде чем пытаться вернуть тебе зрение, экспериментировала на ней – не пропадать же добру, – хмыкнул Готтран. – Узнай у прислуги, где она, и проверь. Вечером приходи, побеседуем, но если еще раз явишься в таком виде, – брезгливо кивнул он на его грязную одежду, – вылетишь из окна. Ясно?

Ирмиэль поклонился и торопливо вышел. Все складывалось удачно – судя по всему, Готтран готов был вернуть ему свое расположение.

Выяснить, где находится Лирди, не составило особого труда. Первая попавшаяся служанка ничего не знала, но кликнула свою начальницу, и та заботливо проводила Ирмиэля до самой двери.

Комната, в которой разместили Лирди, удручала как своим местоположением – совсем рядом с теми самыми коридорами, где прозрел Ирмиэль, – так и убранством. По сути, это была лачуга для прислуги, и Ирмиэль, войдя, поморщился. И частью даже понял Готтрана, который не хотел вести с ним беседы все это время.

Лирди сидела на кровати, и выглядела она как никогда жалко. Волосы немывты и растрепанны, на теле одна грязная сорочка. Об Ирмиэле каждый день заботились несколько слуг – его купали, одевали, водили по замку, – за Лирди же никто особо не следил, разве что не позволяли ей умереть от голода и утонуть в собственных нечистотах. Как позже узнал Ирмиэль, лишь на первых порах ей оказывали более пристальное внимание, так как Алирия не хотела иметь дела с грязной девчонкой. Но потом она исчерпала все возможные средства и углубилась в книги, и о подопытной быстро забыли.

– Эй, – сказал Ирмиэль. Вышло нерешительно.

– Да? – проговорила Лирди пересохшими, растрескавшимися губами. – Это... Это ты, Ирмиэль?

Ему польстило, что она его узнала, но Ирмиэль быстро заглушил это чувство, как и многие другие.

– Да, я. Ты по-прежнему ничего не видишь?

– Нет. А ты?

– Я вижу.

Прозвучало несколько хвастливо. Плечи Лирди, и без того поникшие, опустились еще ниже, она подтянула к себе колени и разрыдалась. Она решительно потеряла всю надежду и даже мысли не допустила, что, раз прозрел Ирмиэль, то надежда есть и для нее.

Это навело его на одну идею.

– Послушай... Ты жалеешь о том, что совершила?

– Ты о чем? – Лирди, всхлипнув, приподняла голову, и от ее затуманенного, пустого взгляда Ирмиэлю стало не по себе.

– О твоей подруге. Ты бы хотела все изменить?

Лицо Лирди, бледное от долгого сидения взаперти, начало наливаться краской. Ирмиэль подумал было, что это стыд, однако девушка вдруг взорвалась криком:

– Не называй ее моей подругой! Это все из-за нее! Из-за нее я здесь... Такая... – и она снова разразилась рыданиями.

Первые несколько дней после ослепления Лирди билась в истерике, задыхаясь от отчаяния и горя, затем, обессиленная, несколько дней пролежала в апатии – до тех пор, пока не пришло понимание: во всем виновата Эни. Ведь если бы не она, Готтран не отправил бы ее в Предгорье, и не случилось бы того, что случилось. Кроме того, никто не рассказал Лирди, что именно произошло в Ишдате, и она легко провела линию от нападения на Эни до слепоты. Разумеется, это все эвендинская магия – Эни попросту отомстила, напрочь забыв все добро, что ей сделала Лирди.

Как ни странно, размышляя об этом, девушка ни на минуту не почувствовала раскаяния – тот момент, когда Осберг разбил Эни голову, услужливо стерся из памяти, как и то, что именно Лирди позволила этому случиться. В конце концов, Эни так долго обманывала ее, скрывая, что она эвендин. О какой вине можно было говорить? Она получила то, что заслужила, и не имела никакого права обрушивать на Лирди такую жестокую кару. Тем более что она, Лирди, делала лишь то, что ей велели.

– Прекрати рыдать! – велел Ирмиэль, и Лирди, икнув, умолкла.

Он с минуту смотрел на нее с безгливостью и жалостью. Не то чтобы Ирмиэль питал к ней какую-то симпатию, но ему снова хотелось видеть ее такой, как прежде – расчесанную, в платье, которое он ей подарил, с восторженно сверкающими глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.